

Б И Б Л И О Т Е К А

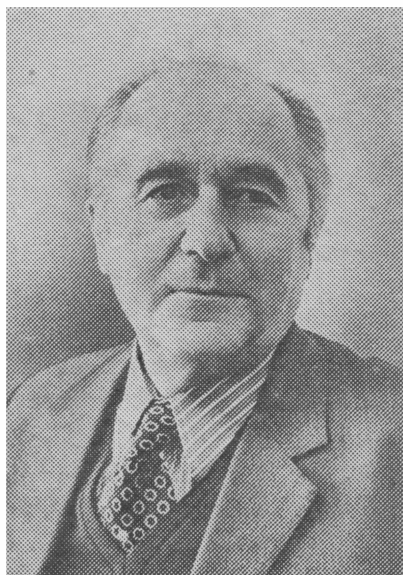
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 6

1987

Цезарь СОЛОДАРЬ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

КРАХ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 6

Цезарь СОЛОДАРЬ

КРАХ

ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ОЧЕРКОВ
О СИОНИЗМЕ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Цезарь СОЛОДАРЬ

Цезарь Самойлович Солодарь родился в 1909 году в Виннице. С шестнадцати лет работает в печати. Литературную деятельность начал в жанре поэзии. Во время боев с белофиннами — сотрудник фронтовой печати. В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом на фронте, где вступил в ряды КПСС. Закончил войну в Берлине, откуда передал корреспонденцию о подписании акта капитуляции фашистского военного командования.

Ц. Солодарь много пишет в жанре драматургии. Его пьесы «Летний день», «Мальчик из Марселя», «У лесного озера», «В сиреневом саду», «Любовь, директор и квартира», «Весна поет», «Серебряная свадьба», «Сверстники грозы», «Правда о старом кинжале», «Любовь без прощения», «Первоцвет», «Два часа в семье Дугановых», «Ищите мужчину», «Твой милый образ...», «А цветы остаются», «Благородный металл», «Пелена», «Тем, кто хочет знать» и другие изданы и поставлены многими театрами в нашей стране и за рубежом. Одноактные пьесы драматурга изданы в сборниках «Маленькие комедии», «Семейный обед», «Голубой снег», «Ситцевый бал».

Сатирические и юмористические рассказы, фельетоны и стихи Цезаря Солодаря вошли в его книги «Роковая индейка», «Не пойман, но вор!», «Хохолок и касса», «Нетипичные типы», «Футболисты, друзья мои», «Светло-бежевая кепка», «Ряд волшебных изменений...», «Точка зрения», «Так говорят, полагаются», «Возмутительница спокойствия», «Будьте любезны!».

В публицистическом жанре Ц. Солодарем написаны книжки «Горячее сердце», «За нашей спиной — Москва!», «Где ты, Луиджи?», «Капитуляция», «Бывшие», «Двойные», «Дикая поляна», «Товар», «Лицемеры», «Ложь», «Фарисеи». За книгу «Темная завеса» Ц. Солодарю присуждена премия Ленинского Комсомола. За заслуги в развитии советской литературы писатель награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета». Ему присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

КРАХ

Абрахама Бейера, Джаклин Левин, Мириам Химмельфард и Альберта Чернина «Интурист» встретил с традиционным радушием и вниманием, давно известным многим и многим приезжающим в нашу страну иностранным туристам. Напрасно, однако, работники «Интуриста» раздумывали над тем, какой спектакль больше по душе четверке гостей из США — в маститом ли Малом театре или в молодом «Современнике». Американские туристы проявили к этому полное равнодушие, как, впрочем, и к благодарной возможности познакомиться с прославленными театрами, музеями и дворцами Ленинграда.

Дни и ночи провели они в поисках лиц, могущих снабдить их нужной «информацией» о преследовании евреев в СССР». А чтобы «информаторы» отнеслись к визитерам с максимальным послушанием, американские «туристы» не скрыли от них, что собирают «сведения» для сенатора Перси, большого любителя запросов в конгрессе по надуманному «еврейскому вопросу» в социалистических странах.

И особенно многозначительно Бейер, Левин, Химмельфард и Чернин подчеркивали, что, хотя представляют «конференцию Большого Нью-Йорка по делам советских евреев» (по делам граждан иностранного государства — ни больше ни меньше!), состоят в панибратских отношениях с такими китами американского сионизма, как злобные участники рейгановского «крестового похода» Теодор Манн и Джерри Гудман.

Ба, знакомые все лица!

Теодор Манн, избранный в июне 1982 года председателем «национальной конференции в защиту советских евреев», поспешил посетить Советский Союз. Конечно, в традиционном обличье любознательного туриста. И предусмотрительно прихватил с собой, по собственному признанию, нескольких «говорящих по-русски» сионистов. В нашей столице Манн предпочел Третьяковке и Большому театру «прекрасные московские парки». Прекрасные, с манновской точки зрения, не своими зелеными рощами и ароматными цветниками, а тем, что в этих парках мистер Теодор, судя по его собственному признанию (опубликованному в сионистской печати), прогуливался с «цветом» жалкой кучки лиц, которым отказано в выезде на постоянное жительство в Израиль в связи с тем, что по характеру своей работы в прошлом они владеют государст-

венными секретами и могут получить выездную визу только по истечении определенного срока.

У наиболее «нетерпеливых» отщепенцев Манн выторговал личное послание американскому президенту с трогательной благодарностью за поддержку американского же шпиона Шаранского, осужденного судом по соответствующим статьям уголовного кодекса. Авторов умилительно-го послания Манн именует «героями новой саги евреев». Чего же, однако, лидер американских сионистов, «защищающий» советских евреев — значит, и меня, — требует от опозтизированных им «героев»? Всего лишь только сыграть роль возмутителей спокойствия (как писал Манн, ос в дупле) в предстоящем разжигании «недовольства советских народов социалистическим строем». Впрочем, и сейчас «осы», особенно наиболее «знатные», по утешительным для Манна их собственным заверениям, «не тратят времени зря».

Сравнительно недавно Манн уступил свой пост Абраму Моррису. Но и поныне ссылка коммивояжеров из Большого Нью-Йорка на Манна производит неотразимое впечатление на просионистски настроенных людей.

Теперь о Гудмане. Грязным антисоветским делишкам директор-распорядителя пресловутой национальной «конференции» Джерри Гудмана мне уже пришлось посвятить несколько основанных на подлинных фактах строк в книге «Темная завеса». Тороватый специалист по беззастенчивой вербовке молодежи в сионистские организации, Гудман совершил «туристскую» поездку в нашу страну накануне XIX съезда Ленинского Комсомола. В Ленинграде сей директор-распорядитель орудовал закамуфлированным под записную книжечку миниатюрным магнитофоном с таким непомерным запасом кассет, что поневоле хочется, перефразируя известную половицу, сказать: своя ноша, даже поганая, карман не тянет. По имевшимся у него адресам Гудман связался с «нужными людьми». Центральной фигурой среди них стал уголовник Леин, осужденный за хулиганство. Навивший руку в подтасовке фактов, Гудман смекнул: определенные круги на Западе охотно клонут на версию о «политическом» характере обычного уголовного суда над «образованным молодым человеком» за... изучение древнееврейского языка. Кто же в США не поверит этой дешевой выдумке, если увидит «сенсационный» фотоснимок: хулиган Леин запечатлен на процессе между двумя миллионерами.

Провокационный гудмановский почерк явственно просматривается и во враждебной нашей стране деятельности, затеянной его коллегами Бейером, Леином, Химмельфард, Черниным в Ленинграде. Они тоже вознамерились спекулятивно сыграть на «преследовании» осужденных за уголовные преступления лиц еврейской национальности. Понимая сугубо клеветнический характер раздобытой ими «информации», сионистские агенты решили надежно запрятать ее в самых причудливых тайниках. Наиболее надежным показался им нательный пояс молодой мисс

Химмельфард. Но и ей так же, как и ее спутникам, пришлось в Пулковском аэропорту собственноручно подписать протокол таможенного досмотра с подробным перечнем изъятых у нее клеветнических материалов.

Итак, проникшие из США под туристской личиной четверо сионистских «радетелей прав советских евреев», как и их многочисленные предшественники, потерпели фиаско.

Многочисленные? Да. Довольно длинноват список задержанных у нас эмиссаров разного рода антисоветских служб американского сионизма. От «объединенного совета в защиту советских евреев» до «комитета студентов в защиту советских евреев». Напомним позорную одиссею супругов Гринберг, пересекших океан ради того, чтобы побывать в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе. Побывать и увезти из нашей, дружелюбно встретившей их страны... нет, не фотоснимки природных заповедников, не впечатления о шедеврах искусства, ярких спектаклях, спортивных праздниках, а зашифрованные записи враждебного Советскому государству характера да еще графики, схемы, фотографии, посвященные проблемам ядерной физики!

Подобно своим единомышленникам — чете Мелкин, супруги Гринберг расплачивались с поставщиками «товара» не только щедрыми посулами райского благоденствия на Западе, но и дешевенькими подарками в красочной американской упаковке. В том числе... бульонными кубиками.

Антисоветский «багаж» отбывавших восвояси Гринбергов наши таможенники обнаружили. Не выручили предприимчивых супругов-сионистов ни сумка с двойным дном, ни хитроумная модель обуви, ни тайники в самых сокровенных частях тела.

Можно назвать и третью супружескую пару — Констанс Смуклер и ее мужа, председателя филиладельфийского филиала все той же «национальной конференции». Обнаглевшая госпожа Констанс отважилась приехать к нам уже после того, как советские таможенники вывели на чистую воду господина председателя. И хотя жена в роли участницы «крестового похода» действовала, казалось бы, более осмотрительно, но завершила свой вояж не менее бесславно, нежели муж. Ей тоже пришлось расстаться с клеветническим досье, запечатленным фотокамерой и записанным на магнитофонную пленку.

С весьма странным багажом пожаловали в нашу страну и супруги Лач из Пенсильвании. Ничего не скажешь, чета солидная: мистер Самюэль — профессор, специалист по истории религии, мисс Филлис посвятила себя юриспруденции. Однако деловая напутственная инструкция, полученная ими от сопредседателя одной из сионистских организаций штата Пенсильвания Либби Рудника, не имела никакого отношения ни к профессиональным интересам супругов, ни к насыщенной программе, выработанной для них «Интуристом». Указанные в инструкции восемнадцать адресов должны были в Москве, Ленинграде и Киеве при-

вести господина историка и его жену на квартиры отщепенцев, именуемых сионистами «отказниками».

Но не с пустыми руками надлежало явиться «защитникам советских евреев» к своим «подзащитным». Нет, супругам Лачс было точно указано, кому следует вручить не шибко модный жакет, кому — заурядную куртку, а кому — первоклассный магнитофон фирмы «Сони». Никакой уравниловки — мелкий клеветник заслужил только, скажем, носки, зато те, кто, по предложению Рудника, способен придумать и красочно рассказать его агентам «наиболее страшные факты преследования евреев в СССР», достойны золотой цепочки.

Бдительность наших таможенников начисто сорвала задуманную Рудником операцию. А ведь он готовил ее с особым тщанием и предосторожностями. К примеру, о Павле Абрамовиче, коему предназначались пара белья (правда, теплого!) и носки, в инструкции была специальная оговорка: «Никаких прямых контактов».

Впрочем, как читатели догадываются, никаких прямых контактов у супругов Лачс не произошло и с остальными семнадцатью «преследуемыми». Время, запланированное на пространную беседу с «отказником» Владимиром Альбрехтом и вручение ему золотой цепочки, чете «туристов» пришлось затратить то ли на посещение Третьяковской галереи, то ли на ознакомление с Пушкинским музеем. Нетрудно представить себе разочарование Либби Рудника: он ждал от посланных им «туристов» не впечатлений о шедеврах живописи, а очередного безудержного поклепа на советские учреждения, не дающие визы на выезд из страны лицам, которым по их прошлой работе известны государственные тайны.

Как мыльный пузырь, лопнули и замыслы американской сионистской организации «Объединенный еврейский призыв», пославшей в Советский Союз под личиной туристов своего вице-президента Барри Джуделман в сопровождении Чарльза Байтемана — руководителя телевизионной фирмы «Аудио Вистаз». Фотоснимки из жизни «преследуемых» и записанные на магнитофонную пленку их клеветнические рассказы сионистские пропагандисты рассчитывали использовать в телевизионной передаче о «еврейском вопросе» в Советском государстве. Приехав в мае 1986 года в нашу страну, Джуделман и Байтеман нагло игнорировали общепринятые правила поведения иностранных туристов. Нашим таможенникам пришлось, естественно, изъять у распоясавшихся сионистских агентов кассеты с записями придуманных и поставленных ими антисоветских инсценировок.

Хотя Аврахам Тейчман проживает в знойном Лос-Анджелесе, а Аврахам Фишман — в северо-восточном штате Огайо, некая сионистская спецслужба в США сочла насущно необходимым объединить их в единый дуэт. Оба безуспешно пытались скрыть от таможенников книги и листовки сионистского направления. Кому предназначалась сия «литература»? Оба Аврахама горячо утверждали, что ни с кем встречаться не собираются, что цель их поездки — стопроцентно туристская. На деле же

они предпочли посещению музеев и театров беготню по квартирам лиц, у которых рассчитывали добыть «информацию» для сионистской пропаганды. Естественно, такую «туристскую» деятельность пришлось пресечь.

Точно так же пришлось пресечь аналогичную деятельность и других прибывших весной 1986 года из США просионистских дуэтов: Кэрролин Рабинович и Раяна Хейлмана, Кевин Аронсон и Джефффри Голдберга, Бет Кессельман и Даниэля Лауфера, Лайзы-Терезы Вильхельм и Коннилана Рейча, Шимона Ингландера и Мордехая Брайера.

К столь же плачевному финалу пришли многие другие эмиссары американского сионизма. Напомним Теодору Манну и Абраму Моррису, а заодно и их разнокалиберным подпевалам по руководству нечистоплотными операциями в «защиту советских евреев» часть имен провалившихся у нас их посланцев: Вильям Арон, Инес Вайсман, Филла Гольдстайн, Гарольд Лавайн, Юлес Липперт, Эрнест Канн, Арлин Меил, Эхава Шейндлин, Джей Шупек... В этом неполном перечне названы только «туристы». А ведь можно назвать и кое-кого из некогда аккредитованных у нас корреспондентов и выдворенных с нашей земли обладателей дипломатических паспортов. По иронии судьбы, нет, нет, вполне закономерно, каждый вояж под маской туристов перечисленных лиц и прочих «защитников советских евреев» совпадал с очередными сообщениями о новой антисемитской акции на территории США. И вот что показательное. Если нередко эти акции замалчивали американские средства информации, то уж израильские иногда торжествующе сообщали: опять молодчики из калифорнийской пронацистской организации осквернили еврейское кладбище, опять техасские куклуксклановцы разгромили синагогу, опять некоторые строительные организации Большого Нью-Йорка отказались сдавать квартиры евреям.

Неужели израильские сионисты отваживаются открыто говорить о безудержном росте антисемитских вылазок на земле своих стратегических союзников? Неужели американские хозяева разрешают своим ближневосточным жандармам такие вольности? Вроде бы невероятно. Но, по существу, никаких противоречий тут нет: непрекращающаяся эмиграция израильтян в США, по формулировке сионистской прессы, истощает людские ресурсы Израиля. Американские же власти, в свою очередь, не очень-то заинтересованы в новой волне израильской эмиграции — им с избытком хватает безработных и бездомных из среды собственных старожиллов. Словом, ни американским сионистам, ни израильским не до защиты элементарных человеческих прав еврейской бедноты. Именно бедноты — еврейских миллионеров куклуксклановцы и неонацисты не посмеют и пальцем тронуть!

Зато уж каждый провал американских «защитников советских евреев» на нашей земле в равной степени печалит всех без исключения заправил международного сионизма, независимо от государства, где они окопались. Потеряли счет провалам своих лжетуристов и английские

сионисты. Но эти беспрестанные провалы не умеряют их антисоветского пыла. Небезосновательно начинает казаться, что такое упорство, вернее, грубое и топорное упрямство, сродни отчаянию обреченных. Кое-кто может удивиться: позвольте, как же так, ведь английский сионизм, по определению его деятелей, — это сионизм в лайковых перчатках. «Лайковая перчатка — это вам не каскет, которым иногда пользуются американские сионисты». — В свое время мы с замечательным писателем Львом Кассилем услышали это в Сандерленде от лидера тамошних сионистов мистера Бука, самого богатого человека в городе. А сравнительно недавно Соня Гольдсмит, главный знаток русского языка в лондонской сионистской среде, сказала мне: «У нас, в Англии, вы кахановцев среди еврейских националистов не найдете. Не случайно про английский сионизм говорят, что он в лайковых перчатках. На деле именно так и есть. Есть, правда, другое определение, оно мне больше по душе — сионизм под сурдинку». Однако агенты английских сионистских организаций пытаются орудовать далеко не в лайковых перчатках и не под сурдинку. Особенно нахраписты посланцы «комитета 35».

Весьма туманное название, не правда ли? Поэтому напоминаю: под столь непонятным названием скрывается одна из самых злобных провокационных организаций, специально созданных английским сионизмом опять же якобы для «защиты прав советских евреев». Откуда все же цифра 35? Ее происхождение открыла мне в Лондоне одна из активисток комитета, Памела Менсон, без всяких оснований именующая себя актрисой. В конце шестидесятих годов тридцатипятилетней одесситка Раиса Палатник вознамерилась переехать на «историческую родину». Конечно, для «воссоединения» с бежавшей к тому времени... в Англию сестрой. Новоявленная англичанка на всякий случай забила тревогу: «Раисе, мол, не дают выездной визы!» И, снедаемая жаждой славы, лондонская сионистка Дорис Гейнсфорд, весьма состоятельная дама, обратилась к группе единомышленниц: «Мы все — ровесницы страдающей одесситки. Нам тоже всего по тридцать пять. Создадим же комитет тридцатипятилетних гуманистов в защиту угнетаемой нашей ровесницы из Одессы!». Некоторых дам, правда, несколько сконфузило то, что прагматичная мисс Гейнсфорд своей волей значительно омолодила их. Но желание встать на защиту «обездоленных советских евреев», конечно, превозмогло минутный конфуз.

И когда «беззащитная» одесситка уже находилась в пути к «земле обетованной» на берегах... Темзы, начал свою бешеную антисоветскую деятельность в Лондоне на Гренвил-Роуд, 148, сионистский «комитет 35», отданный в то время на откуп исключительно прекрасному полу. Лидеры английского сионизма сразу же взяли под свою опеку новоиспеченный комитет, а специалист по антисоветчине Майкл Шернборн патетически воспел «легендарную стойкость этих женщин, достойную дочерей древнего Сиона». Упоенно рассказывая мне о широком ассортименте применяемых комитетчицами «защитных мер», Памела Менсон вос-

кликнула: «Хотите, я познакомлю вас с одной из наших руководительниц? Здесь, в Великобритании, они проявляют себя необыкновенно верными дочерьми еврейства. Достаточно поговорить хоть пять минут с Дорис Гейнсфорд или Линдой Айзекс — и вы убедитесь, какие выдающиеся сионистки возглавляют наш комитет. А еще лучше — с Ритой Экер! Запомните мои слова: она далеко шагнет. Рита — это... это...». Так и не найдя подходящих слов, Памела и не выразила своих восторгов перспективной Ритой.

Должен признать, пророчество моей лондонской собеседницы сбылось: Рита Экер действительно далеко шагнула и заняла пост главы сионисток сверхбалзаковского возраста.

Очевидно, приезжавшие в СССР по туристским паспортам дамы из «комитета 35», беседуя с сионистскими подголосками и теми, кого они намеревались «защитить», тоже усиленно рекламировали необычайные достоинства Риты Экер. Иначе не объяснишь, с какой целью сорокашестилетняя сотрудница лондонской торговой фирмы Патрисия Шелдон недавно прихватила с собой в Ленинград фотоснимок, запечатлевший ее вместе с «самой» Ритой Экер. Дальновидные дамы, видать, смекнули, что такая «верительная грамота» произведет огромное впечатление на тех, из кого мисс Шелдон собиралась выудить обильную клеветническую информацию. Памятуя, что предыдущие визиты английских сионисток-«туристок» в нашу страну заканчивались крахом замыслов антисоветчиц, поездку Патрисии Шелдон обставили особо хитроумными предосторожностями.

Главное прикрытие придумали такое: Патрисию направили в СССР вдвоем с мужчиной (а ведь совсем недавно представителям сильного пола был наистрожайше закрыт доступ в сферы стопроцентного женского комитета!). Спутником подружки Риты Экер стал сорокадвухлетний Левис-Самуэль Коски, владелец магазина радиотоваров. Именно этому деловому человеку, непривычному к дамским лайковым перчаткам, было поручено одарить соответственно «заслугам» наиболее перспективных для сионизма кандидатов в «бывшие». Дары Коски и Шелдон привезли довольно разнообразные: от одежды и лекарств до фототехники и магнитофонной пленки. Подобных «сувениров» Коски привез на внушительную сумму — около двух с половиной тысяч рублей.

Личный багаж мисс Шелдон оказался менее громоздким: экземпляры издаваемой великобританскими сионистами газетенки «Еврейская хроника» (опять туманное название!) и адреса известных просионистскими настроениями отщепенцев — такая ручная кладь много места не занимает. Патрисии Шелдон и ее галантному спутнику пришлось 20 февраля 1985 года досрочно убраться из нашей страны. Они разделили участь посланцев «комитета 35», ранее приезжавших к нам под личиной туристов.

Комитетчиц-антисоветчиц, уличенных во враждебных нашему государству деяниях, возглавляет Джун Джейкобс. Сию энергичную дамочку

ку обстоятельно инструктировал Шиндлер, ведавший в просионистском совете еврейских общин Великобритании международными делами. Он заставил «моторную Джун» вы зубрить вопросник, каким надлежит пользоваться сионистским эмиссарам в социалистических странах. Усердная Джун сверх шиндлеровского задания заучила наизусть и адреса интересующих сионистские службы советских граждан.

Но заниматься провокациями на советской земле, оказывается, не столь легко. Куда легче подделывать на петициях в защиту «невинно осужденных» советским судом уголовников по несколько десятков подписей своих прабабушек и внучат. В Москве провокационные замыслы мисс Джейкобс лопнули как мыльный пузырь. Такой конфуз, однако, нисколько не отразился на сионистской карьере предприимчивой Джун. Опередив своих соратниц, она стала в Лондоне председателем «национального совета в защиту советского еврейства». Не путайте этот совет с комитетом аналогичного названия, возглавляемым Барбарой Оберман. Богато и разнообразно антисоветское хозяйство английских сионисток, что и говорить!

«Комитетчица» Хелен Эбндстерн, облюбовавшая для своих «рейдов» город на Неве, занялась «делами», как говорится, «со второго заезда». В первый раз она только присматривалась к обстановке. Зато уж во второй приезд показала марафонские темпы беготни и до того «захлопоталась», что потеряла сумку. Но в бюро находок предумотрительно не обратилась. Ничего диковинного тут нет: сумка была до отказа набита собственноручными записями сионистской эмиссарши, неоспоримо подтверждавшими, как настойчиво она подыскивала источники заказанной ей комитетом информации. В записях фигурировали подчеркнуто лаконичные данные именно о тех, кто имел или имеет доступ к государственным тайнам. Чего стоит, к примеру, такая подробность: «В. К. располагает секретами по службе в армии».

Как видите, явственно мутные следы оставляют грязные руки даже в лайковых перчатках. А речения антисоветского толка различаются и тогда, когда произносятся под нежную сурдинку! Агенты английского сионизма рассчитывают на весомость подарков и подачек гораздо больше, нежели на силу словесных увещаний. Такого взгляда придерживаются супруги Стив и Ивона Майерс. Вот почему, приехав в нашу страну в апреле 1985 года, они прихватили с собой изрядный запас «сувениров», закуленных на средства «комитета 35». Видимо, из этих же средств щедрые Майерсы подбрасывали деньжонки некоторым «избранникам» и во время своего предыдущего «туристского» визита в СССР. На сей раз мистер Стив и миссис Ивонна и не пытались скрыть, что приехали не с туристскими целями, а для сбора информации «об условиях жизни» тех, кому на законном основании отказано в разрешении на выезд в Израиль. Естественно, супружеской чете пришлось сократить срок пребывания в нашей стране.

В противоположность Майерсам их сограждане Ребека-Берта и Дорон Керн придумывали всяческие несусветные версии, чтобы объяснить, с какой целью они привезли с собой такие «сувениры», как дорогостоящая радио- и фотоаппаратура. Однако и эта супружеская чета была уличена в попытках получить взамен своих «подарков» ложную информацию от еврейских националистов.

Натренированная рука «комитета 35» явственно ощущается и в наглом поведении английских «туристов» Майкла Стэнфилда и Майкла Коулина. Когда 11 июня 1985 года на квартире Роальда Исааковича Зеличенка, в отношении которого было возбуждено уголовное дело по статье 190-I УК РСФСР, органы Ленинградской прокуратуры проводили обыск, там оказались оба мистера Майкла. Они яростно отрицали свою причастность к организациям сионизма, чьи задания усердно выполнял Зеличенко.

После осуждения Зеличенка «Ленинградская правда» кратко и точно информировала читателей, в чем состояло его преступление: «Старший инженер Института цитологии АН СССР, как установлено судом, на протяжении ряда лет изготовлял и распространял (в том числе пересылал за рубеж) тенденциозно подобранную и ложную информацию о советском государственном и общественном строе, социальном положении трудящихся, внутренней политике СССР, пороча тем самым наше государство, нанося ущерб его престижу и достоинству».

Вот каков портрет «угнетаемой» личности, которую защищал и продолжает защищать сионизм. И не только английский. Его устами о «преследовании» Зеличенка вопиет приютившаяся в ФРГ загадочная «АИ-группа 1952 Вииль». Она является, оказывается, частицей самозванной «Интернэшнл амнисти», опекающей осужденных советским судом уголовных преступников.

Не один только пресловутый комитет бывших тридцатипятилетних дам засылает в социалистические страны эмиссаров английского сионизма. Занимается этим также организация «Советь» (какое невинное название!), не отстаёт от нее и организация под наименованием «Шамир».

Глава лондонского филиала «Шамира» Питер Калмс, прибыв к нам с туристским паспортом, старался вертеться вокруг тех, на кого мог бы, по его мнению, впоследствии сослаться как на надежный источник им же самим сочиненной клеветнической информации. Он собирал сведения о советских гражданах, которым, на его взгляд, следовало бы... переехать на «родину отцов».

Английской гражданке Кенди Келдер столь понравились поездки в нашу страну, что в апреле 1986 года она приехала вторично. Правда, год тому назад означенная дама именовалась не Келдер, а Труман-Келдер. Обстоятельство, конечно, странное, но не оно привело к тому, что бывалый туристке пришлось досрочно убраться восвояси. Причина более веская: мисс Келдер (бывшая Труман-Келдер) пользовалась в Киеве чересчур уж оригинальным путеводителем — корешками своей чековой

книжки, где были записаны точные адреса лиц, которым по общепринятым законным основаниям было отказано в визе на выезд из страны. Одного из таких «мучеников», Льва Эльберга, энергичная «туристка» успела навестить и на добрую память о своем визите оставить ему то, что официально принято называть значительным количеством носильных вещей.

Еще одно совсем уж странное обстоятельство. Оказывается, госпожа сионистская эмиссарша впервые приезжала к нам не в 1985 году, а в 1982-м. Но тогда именовалась не Кенди Келдер и не Кенди Труман-Келдер, а Гиш-Гизелой Робинс. Заполняя туристскую анкету, она намеренно предпочла умолчать о той поездке. Пришлось напомнить трехименной туристке не очень-то лестные для нее подробности первого визита.

И тогда она гордо возвестила, что Гиш-Гизела Робинс — ее... литературный псевдоним. Существует ли хотя бы одно-единственное литературное произведение Гиш-Гизелы Робинс? Конечно, нет. Этот «псевдоним» красуется, правда, на... чековой книжке, принадлежащей Кенди Келдер.

Не очень радужно закончился также визит в нашу страну Давида Блоха и Карла Мартина-Харриса. Снаряжал их в путь-дорогу Джерри Луис. Как мне рассказывали в Лондоне, он стяжал грязную популярность главного организатора провокаций против гастролирующих в Великобритании советских театров, руководил группами сионистов, пыгавшимися сорвать проведение советских выставок. Луис поручил Блоху и Мартину-Харрису собрать подробные биографические сведения об интересующих сионистские центры советских гражданах, а именно об их служебных обязанностях и возможностях, склонностях, окружении. Блох и Мартин-Харрис должны были инсценировать, заснять и доставить в Лондон «документальные» фотоматериалы для опубликования с клеветническими текстами в журнальчике «Евреи в СССР», издающемся в Лондоне под редакцией упоминавшегося покровителя «комитета 35» Шиндлера. Проинструктированный Луисом дуэт принял ся рьяно выполнять поручения своего наставника. В Киеве они начали распространять среди еврейского населения сионистскую литературу, навещали «нужных» людей, зазывали их к себе в гостиницу. В Харькове такая деятельность «туристов» была пресечена, а попасть в Москву и Ленинград им уже не довелось. Давиду Блоху и Карлу Мартину-Харрису осталось только признать противозаконность своих действий на территории иностранного государства, принести извинения и просить о снисхождении.

«Защитникам» советских евреев следовало бы извиниться и перед еврейской беднотой Великобритании, которая действительно и безотлагательно нуждается в защите от антисемитских нападок и прямых издевательства на расовой основе. Речь идет не только о мутном потоке погромных юдофобских книг, хлынувшим в книжные магазины Лондона и других английских городов. Тут и печально известная пачкотня Ричарда Харвуда (псевдоним махрового расиста Ричарда Виллара) «Действи-

тельно ли погибли шесть миллионов?», отрицающая массовое истребление гитлеровцами евреев в лагерях смерти. Тут и «исторический труд» Дэвида Ирвинга «Война Гитлера». Историк-пропагандист осмеливается утверждать, что «массовое истребление миллионов поляков, русских, белорусов, украинцев, евреев, чехов, сербов, цыган, людей других национальностей совершалось фашистами вопреки точно сформулированным намерениям Гитлера.

Не одним только распространением расистской литературы ограничиваются, однако, антисемитские акции против трудящихся (богатеи это мало тревожит!) английских граждан еврейского происхождения. Вынужден обратиться к своей книге «Лицемеры» и привести отрывок из письма, присланного мне жительницей Лидса — безработной медсестрой, женой счетного работника, матерью девятнадцатилетней дочери. Местные сионисты атакуют ее настойчивыми советами переехать в Израиль, где она найдет, мол, работу и, главное, не будет ощущать гнетущего духа антисемитизма. Обрадованная тем, что старейшая сионистская газета, лондонская «Джуиш кроникл», вынуждена была опубликовать статью советского писателя об изданных в Англии гнусных пропагандистских книгах антисемитского толка, женщина из Лидса писала мне:

«Вы не все знаете о наших неонацистах, которые действительно ненавидят и цветных, и евреев. Они думают, что, если нас выселят из Англии, им станет легче и богаче жить. Они занимаются не только пропагандой против евреев в своих книгах, они позволяют себе такие же действия. Жаль, что вы не написали, как два родных брата Брэдинги из графства Уилтшир физически и морально мучили еврейского мальчика Мэттью по всем гитлеровским правилам. А потом еще заставляли носить на груди желтую звезду, совсем как в фашистском гетто».

Совсем как в фашистском гетто!

Но английские сионисты и пальцем не пошевельнут в защиту несчастного мальчика, в защиту многих и многих евреев-бедняков, испытывающих в Англии антисемитские притеснения. О таких притеснениях мне рассказывали в лондонском Ист-Энде, где предприниматели обычно платят докеру-еврею на 30 процентов меньше, чем за такую же работу докеру-нееврею.

Вот кого бы следовало защищать английским сионистам, оголтело «защищающим»... меня и моих сограждан, моих соотечественников!

К материальному стимулированию своих «собеседников» прибегают сионистские «туристы» многих западных стран.

Приехавшие в июне 1985 года из Нидерландов Вильгельмина-Роза ван-дер-Викен и Эва Эрвтеман не утаили от таможенников такие странные сувениры, как предметы одежды и отменная фотоаппаратура. Зато изданные в Израиле брошюры отъявленного националистического направления и экземпляры прочих антисоветских изданий подруги попытались ввезти тайком. Изобличенным представительницам сионистских организаций Амстердама пришлось признать свою причастность к про-

сионистской деятельности, носящей характер вмешательства во внутренние дела нашей страны. Ретивые «туристки», конечно, покинули пределы Советской страны досрочно.

Однако сионистские организации Амстердама не извлекли должных уроков из провала вышеупомянутых дам. В августе 1985 года из Амстердама пожаловал к нам новый посланец сионизма Абрахам Хаас. Его попытка скрыть сионистскую литературу в потайных карманах плаща закончилась неудачно для «туриста».

Но и это не охладило пыл амстердамских сионистов. Через три месяца они направили в нашу страну супружескую чету Франсес, снабдив ее солидным запасом сионистской печатной продукции. Этот «багаж» наши таможенники обнаружили у супругов в специально нашитых с внутренней стороны одежды карманах. Эли Франсес признал, что от так называемого «Еврейского комитета Амстердама» он с женой получил также адреса и краткие биографии лиц, которым предназначались сионистские издания. Еще более увесистым багажом снабдил так называемый «швейцарский комитет в защиту советских евреев» напористую Рут Блох и ее меланхоличного спутника Матиаса Иохана Хоха. Вперемешку с одеждой, радиоаппаратурой и сувенирами подчеркнуто израильского происхождения были упакованы сионистские книги, а также магнитофонные записи соответствующего содержания на иврите и английском. С неописуемым рвением мадам Блох при помощи господина Хоха принялась за доставку «подарков» по имеющимся у нее ленинградским адресам. Кипучую деятельность щедрой сионистской Снегурочки и уныло следовавшего за ней Деда Мороза пришлось, естественно, прервать. Это вызвало «протест» лжетуристки, переросший в форменный скандал с попытками применить рукопашную.

Непрощенные и ненужные «защитники» систематически уличаются во враждебных нашему государству злонамеренных деяниях. А они подобно тараканам лезут и лезут во все щели, хотя за много лет могли убедиться, что ни попытки выдать себя за истинных туристов, ни замуфлированные тайники в багаже и нательном белье, ни иные ухищрения не оградят их от плачевного конца. В полной мере относится это и к эмиссарам французских сионистов. Тем, кто лицемерно изображает свои организации, службы погруженными в этакую эйфорическую, розовенькую атмосферу, а французский сионизм в целом именует интеллектуальным. Интеллект — это почище лайковых перчаток! В Париже одна из главных сионистских функционеров «французской лиги студентов-евреев», мадам Аннет, женщина явно не студенческого возраста, патетически поведала мне: «Мы интеллектуалы, для нас главное — мысль. Разве мы когда-нибудь решимся по примеру воинствующих сионистов Соединенных Штатов переступить грань, за которой начинаются принуждение, диверсии, провокации?»

Переступают. И еще как переступают.

Рассказ об «интеллектуалах», засланных в нашу страну французским сионизмом, начнем с Франсуа Тонье. Хотя бы потому, что он избрал для

своего путешествия не самолет, не поезд, а удобный автомобиль, где под элегантно обшитой салоном был оборудован вместительный и, как казалось снаряжавшим Тонье в путь-дорогу покровителям, абсолютно надежный тайник. Сорвалось. Антисоветский багаж (часть листовок, кстати, отпечатана в Англии) советские таможенники обнаружили и изъяли у «автотуриста». Его послало в нашу страну с враждебными заданиями «сионистское движение Франции», в парижских апартаментах которого на улице Турбиго, 8, меня «по причине межсезонья» принять отказались.

Мог бы назвать изобличенных в провокациях на нашей земле французских сионистов из «комитета поддержки евреев в СССР», из «ассоциации университетских друзей из Тель-Авива» (сия организация — это неприкрытый плод альянса израильских и французских сионистов, а немало им подобных скрыто под невинными псевдонимами!), из «комитета 15» (это закамуфлированное наименование, честно говоря, расшифровать не могу).

Но перейду к дуэту, пожаловавшему к нам из Парижа в конце января 1985 года. Он, тридцатилетний Ален Фенкелькро, назвал себя во вездной анкете преподавателем, она, двадцатисемилетняя Доминик Нора, — служащей.

Через несколько дней, когда месье преподаватель и мадемуазель служащая приехали из Москвы в Киев, компетентные органы ознакомились с блокнотами, густо заполненными записями далеко не туристского содержания. Семьдесят две странички клеветнической, тенденциозной, враждебной нашему государству «информации»!

Вот как пристойно Фенкелькро в письменных объяснениях мотивирует цель поездки в Советскую страну: «Я и моя знакомая решили посетить Советский Союз с целью посещения музеев и других достопримечательностей».

Никаких музеев, однако, Фенкелькро и его знакомая принципиально не посещали. А достопримечательностями для них оказались квартиры граждан, соприкасающихся по работе с государственными секретами. Впрочем, к «достопримечательностям» дуэт Фенкелькро — Нора причислил и квартиры некоторых других советских граждан. От кого же были получены нужные лжетуристам адреса?

«Перед приездом в СССР, — читаем в объяснениях Фенкелькро, — я посетил синагогу на улице Коперника (в Париже — Ц. С.), где раввином является Вильямс. Нам дали адреса некоторых советских граждан, живущих в Москве, Киеве, Ленинграде, Одессе». Среди многих десятков адресов, известных удивительно осведомленному раввину, значился и адрес киевлянина Михлина. Для Фенкелькро и Нора он был одним из многих, с кем им приказали встретиться... Но когда парижане навестили его и вкратце записали «информацию», Михлин, не задумываясь, назвал Алена и Доминик своими... родственниками, пришедшими к нему «просто повидаться». В липовых родственниках Фенкелькро и Нора числился

и Кислик. Да, тот самый Владимир Кислик, у которого за бульонные кубики и прочие подачки сионистские «туристы» из США приобрели графики, схемы и фотографии, связанные с проблемами ядерной физики. Видимо, сионисты решили, что физик Кислик еще не до конца выпотрошен и выдоен.

«Люди, с которыми мы встречались, рассказывали нам, — признают в своих письменных объяснениях преподаватель и служащая из Парижа, — а мы записывали. Но ни одна из этих записей не является дословной».

Вот этому, пожалуй, можно поверить. Вряд ли какой-нибудь субъект из самых озлобленных ревнителей «родины отцов» мог сообщить дуэту несусветную чушь, частенько фигурирующую в собственноручных записях Фенкелькро. Ее с избытком придумывают, как говорится, не отходя от кассы, сами сионистские заправилы и борзописцы из подведомственных сионизму брехливых радиоголосов. И вряд ли стоило тратить франки из сионистской казны и мчаться из Франции к нам ради добычи «из первых рук, из проверенных источников!» информации вроде такой:

«Евреев в армии избивают» (из блокнота Фенкелькро).

«Если ребенок от смешанного брака дал обязательство быть русским (не грудной ли вундеркинд подписал обязательство? — Ц. С.), то он не может впоследствии изменить свою национальность».

Столь же странная «недословность» присуща и записям мадемуазель Доминик. Подруга преподавателя не поленилась записать, к примеру, что «некомсомолок не принимают в медицинские училища», что «со второго поколения (?! — Ц. С.) нет советских евреев», что, наконец, «власти нарушили правила игры».

Вот где собака зарыта! Оказывается, наша борьба с антисоветской клеветой и идеологическими диверсиями, с наглыми попытками заразить вредоносной националистической коррозией монолитный интернационализм советского общества — это для Фенкелькро и Нора всего-навсего игра по установленным нашими идейными противниками правилам.

Хороша игра, когда агенты международного сионизма на основе клеветнически извращенных «фактов» утверждают о якобы присущей Советскому государству преемственности политики антисемитизма царской России. Когда преступно извращается священная для нас интернационалистская миссия советских воинов-освободителей в пору Великой Отечественной войны. Когда... Противно, глубоко противно заниматься перечислением гнусных антисоветских и антисоциалистических — вполне в духе «крестового похода!» — измышлений сионистских «туристов», жаждавших тесного знакомства с сомнительными достопримечательностями. Ограничимся только краткими выводами, напрашивающимися из всего, что записано в двух объемистых блокнотах Елена Фенкелькро и Доминик Нора.

Записи убедительно свидетельствуют о масштабности заданий, полученных ими от своих хозяев. Имею в виду не один только территориальный размах задуманной операции — четыре крупных города, уйма адресов «достопримечательных» лиц! Налицо и политический, можно сказать, размах. Судя по записям, изобличенные провокаторы замыслили «задокументировать» фальсифицированный материал так широко, чтобы можно было выйти с ним на международную арену.

Поездка парижского дрезта в нашу страну готовилась тщательно, продуманно, целенаправленно. Фенкелькро и Нора еще в Париже зафиксировали... ответы, которые им нужно было выжать из «собеседников» в Советском Союзе.

В некоторых записях можно увидеть вставки и исправления, сделанные рукою самих «информаторов», — следовательно, сообщенные ими факты не записывались механически, а в ходе беседы обсуждались и оценивались. Как и их коллеги из других западных стран, эмиссары французского сионизма проявили повышенный интерес и к таким лицам, которые усиленно подчеркивали, что в Израиль не собираются. Не так уж удивителен этот интерес, если учесть, что сионистским службам нужны в социалистических странах подстрекатели-засывалы. Они сами заявлений о выезде в Израиль не подают, но других усиленно подталкивают, подзуживают. Засывалам, кроме материальных подачек, весьма по нутру их реноме «специалистов» по Израилю, «знатоков иудаизма» и «древнееврейской культуры».

Вот почему в списке тех, на встречу с кем особенно уповали Фенкелькро и Нора, на одном из первых мест значился некий Городецкий, в равной степени желанный сионистским эмиссарам из США, Англии, Канады. Городецкий не только склонял знакомых и незнакомых евреев к переезду в Израиль. Он убеждал их «возвращаться к еврейству еще до возвращения в еврейскую страну», точнее говоря, предварительно пройти идейную «закалку». Фенкелькро и Нора еще в Париже были осведомлены: то, что они скажут всяким городецким, те быстренько «шепнут» десяткам «обрабатываемых» ими евреев. Кстати, если кому-либо из читателей доведется ознакомиться с моей скромной драмой-былью «Пелена», прошу учесть, что прототипом зывывала Браиловского, спровоцировавшего студентку Наташу Гурвич на роковой для нее переезд в Израиль, стал именно Городецкий.

Следует сказать еще об одной причине глубокого интереса сионистов к проживающему в Ленинграде Городецкому и некоторым его единомышленникам.

В последнее время сионистские организации — и названные в этом очерке, и многие другие — через различные «радиоголоса» в передачах на СССР усиленно рекламируют попытку группы антисоветчиков совершить в Ленинграде 15 лет назад террористическую акцию: захватить и угнать советский самолет. Отпетые преступники изображаются «национальными героями» Израиля, да и всего так называемого «свободного

мира». Особенно рьяно некоторые средства информации Запада пропагандируют наглые откровения участника этого преступления Бутмана, бывшего советского гражданина. В многочисленных и пространных интервью он подробно рассказывает услужливым западным журналистам о всяческих ухищрениях, при помощи которых готовилась террористическая акция по захвату и угону самолета. Естественно, такая разнузданная пропаганда терроризма, раздуваемая сионистами, вызывает глубокое возмущение советских людей, которым адресованы провокационные передачи соответствующих «радиоголосов».

Но вдохновляемый сионистами Бутман не унимается. Новоявленный «литератор» состряпал антисоветский опус под крикливым названием «Ленинград — Иерусалим с долгой пересадкой». В названии, надо признать, есть не очень-то радостная для автора и его покровителей символика: подготовка преступления была своевременно раскрыта — и Бутману, как и всем его сообщникам, пришлось длительное время пребывать в местах, весьма отдаленных не только от Иерусалима, но и от Ленинграда. На странице 113-й своей печатной продукции Бутман от чрезмерного, видно, усердия проболтался, что группа террористов (для солидности он именует ее организацией) создавалась и готовилась на основе и под прикрытием так называемых «ульпанов» — невинных вроде бы кружков по изучению древнееврейского языка — иврита.

Почему сионистские агенты уделяют такое рьяное внимание ульпанам? Ведь формально улыпан — это школа-интернат, где попавшие в Израиль еврей-иностранцы изучают неведомый им иврит и познают социально-политическую структуру нового для них государства. Но в Советской стране сионистские подголоски насаждают улыпаны с иными целями. Об этих целях в своем «труде» разоткровенничался упомянутый уголовник Бутман:

«Ульпаны — неофициальные группы по изучению еврейской культуры и языка — стали оптимальной формой, позволяющей решать сразу несколько проблем: концентрировать молодежь (опять привычная для сионизма охота на молодые души! — Ц. С.) в группах, находящихся под влиянием организации (сиречь — сборища террористов. — Ц. С.), пробуждать в ней национальное самосознание... Ульпаны стали базой кадров, давая возможность присматриваться к людям в процессе занятий... За время обучения люди приходили от эмоционального сочувствия Израилю к идее необходимости собственного выезда в страну... Мы боролись с существующим в СССР режимом...»

Вот чем призваны заниматься улыпаны в нашей стране, вот почему в расширении их сети так заинтересованы эмиссары международного сионизма!

Насаждением и организацией деятельности подобных «ульпанов» как раз и занимается Городецкий с некоторыми своими сообщниками. Теперь-то уже вполне понятно, чем вызван подчеркнутый интерес сионистских эмиссаров к этим лицам, чем вызвана значительная материаль-

ная и моральная поддержка, оказываемая им из-за рубежа. Объясняется это вполне определенными целями.— не только антисоветскими, но и по своей сущности антигуманными.

А прикрываются эти цели велеречивыми разглагольствованиями сионистов о борьбе за... «развитие еврейской культуры в СССР»¹. Как только компетентные органы, образно говоря, «хватают за руку» бутманов и городецких заодно с их зарубежными подстрекателями, сионизм заваривает очередную антисоветскую, полную злобных вымыслов и истерической шумихи кампанию по поводу якобы наличествующих в нашей стране «подавления еврейской культуры», «преследования преподавателей ульпанов», «угнетения учителей иврита» и т. д. и т. п.

Советские люди глубоко сожалеют, что подобные клеветнические кампании встречают одобрительный отклик и находят прямую поддержку иных официальных деятелей на Западе.

Вернемся, однако, к Фенкелькро и Нора.

Чья же рука их направляла? Кому настоятельно требуется их злонамеренная информация? Кто, наконец, организовал и, очевидно, финансировал их вояж?

Ларчик открывается не столь уж сложно. Оказывается, как признали Фенкелькро и Нора, встретиться и побеседовать с «некоторыми людьми» их попросили «знакомые» из «комитета ученых в защиту советских евреев». Об организации под таким громким названием в журналистских кругах Парижа, я слышал, острят так: в этом «комитете ученых» на десять сионистских функционеров приходится точно ноль целых и пять десятых ученого. Показательное соотношение!

Объяснение, адресованное компетентным органам г. Киева, преподаватель и служащая закончили так:

«Если мы причинили вред СССР, мы просим извинения. Подписи». И затем приписка: «Отдаем наших два блокнота с нашими записями, сделанными накануне и во время нашего визита в СССР. Подписи».

¹ Какие лицемерные утверждения! Пишу эти строки после того, как вместе с миллионами телезрителей увидел на голубом экране спектакль «Тевье-молочник» по одному из самых известных произведений еврейского писателя-демократа Шолом-Алейхема. Что-то не встречал я этого названия в программах израильского телевидения, в репертуаре израильских театров! А в спектакле Центрального телевидения Советской страны роль честного труженика Тевье, презиравшего шовинизм и национальную ограниченность, создал замечательный мастер советского театра Михаил Ульянов. Он продолжил многолетнюю традицию выдающихся деятелей советского театра (назову корифея украинской сцены М. Крушельницкого) знакомить многонациональную зрительскую аудиторию с такой жемчужиной еврейской культуры, как «Тевье-молочник».

7 февраля 1985 года преподаватель Ален Фенкелькро и служащая Доминик Нора были выдворены — естественно, досрочно — из нашей страны.

На этом, казалось бы, можно поставить точку. Но придется перейти ко второй серии. Происходит она за рубежом. Появляются новые действующие лица.

Однако и главные персонажи, уже достаточно известные читателю, тоже загадочно трансформировались. Преподаватель Фенкелькро превратился в... известного французского писателя и журналиста, а его подруга, Доминик Нора, служащая, через какую-нибудь неделю оказалась... журналисткой. Но от участия в пресс-конференции, посвященной плачевным итогам их визита в Советский Союз, она почему-то уклонилась. А возможно, устроители конференции испугались, что по молодости лет и неопытности Доминик не выдержит до конца постыдной роли клеветницы и провокатора. Зато уж месье Фенкелькро показал себя гроссмейстером злобной клеветы и бесстыдной фальсификации. Каких только ужасов не записали с его слов некоторые западные корреспонденты, в том числе, конечно, клеветники с радиостанции «Свобода»! Тут и «двухчасовой допрос», перелицованный через несколько строчек в трехчасовой. Тут и конфискация «всех бумаг, найденных у журналистов», а ведь господина преподавателя и служащую, по их собственноручному письменному объяснению, сами отдали два блокнота со своими записями враждебного нашей стране характера. Тут и чье-то фатальное предупреждение, что «отныне никто не может гарантировать безопасности французским журналистам (а беседовали-то в Киеве не с журналистами, а с преподавателем и служащей.— Ц. С.) и что теперь Алена Фенкелькро могут избить на улице, а его подругу могут изнасиловать неизвестные хулиганы» и т. д. и т. п.

Какие гнусные выдумки!

Что ж, репортаж о пресс-конференции сочинен в полном соответствии со стилем зоологического антисоветизма, присущего любой передаче «Свободы».

Подумать только, как же могли не ведать в Киеве, что Фенкелькро — «автор ряда книг, посвященных еврейскому вопросу» (ох, как скачают сионисты по возрождению этого вопроса в Советской стране! — Ц. С.). Среди них «История одного отрицания» и «Воображаемый еврей». «Неудивительно, — делает вывод «Свобода», — что французский журналист хотел выдаться в Советском Союзе с евреями».

Более удивительно другое: посланец антисоветского сионистского комитета хотел вместе со своей подружкой выдоить из заранее отобранных лиц пригодные для самого отъявленного извращения «факты», а может, еще кое-что. «Однако их планам, — сокрушается корреспондент «Свободы», — не удалось осуществиться». Да, не удалось осуществиться. Не осуществляются и подобные планы всех, кто задумает нанести нам ви-

зит в духе Фенкелькро и Нора. Сколько бы ни скорбела об этом радиостанция «Свобода».

Но по темпам отклика на киевские похождения парижского дуэта «Свободу», коронную отравительницу эфира, все же обскакал ее собрат, не менее брехливый «Голос Израиля». Его обозреватель (обычно он рекламирует «мирный отход» израильских оккупационных войск из окровавленного Ливана — наглую попытку «уйти — чтобы остаться!») умудрился на сей раз поднять шум о «киевских приключениях» Фенкелькро и Нора еще до пресловутой пресс-конференции.

Версия «Голоса Израиля» оказалась более лживой, нежели измышления «Свободы». Двухчасовой допрос вырос до четырехчасового. Придуман «домашний арест» Алана Фенкелькраута (диковинная трансформация имени и фамилии! — Ц. С.) и Доминик Нора. Фенкелькрауту якобы угрожали, что его поместят в одну камеру с уголовниками и его там избьют. Но «известный во Франции писатель» (под какой же все-таки фамилией он известен? — Ц. С.), несмотря на такие страшные угрозы, «отказался назвать имена и адреса лиц, которых навестил». А к чему, собственно говоря, называть, если они аккуратнейшим образом были записаны в блокноте Фенкелькро — Фенкелькраута?!

«Сколько ни повторяй слово «халва» — слаще во рту не станет» — говорит широко известная на Ближнем Востоке поговорка. Сколько бы «Голос Израиля» ни разглагольствовал об «известном во Франции» писателе Фенкелькрауте, популярность его махровошовиннистических «произведений» все равно не возрастет. А читали ли господа комментаторы «Голоса Израиля» действительно широко известную во Франции и переведенную на многие языки правдивую, волнующую книгу писателя-антифашиста, участника французского Сопrotивления Владимира Познера «Нисхождение в ад»?

Если и не читали, то наверняка оголтело осуждают: эта документальная книга об освенцимском аде не по нутру заправилам международного сионизма. Почему? Ведь Познер положил в основу книги свидетельские показания тех немногих узников, кому удалось выйти из гитлеровского лагеря смерти живыми, вернее, полуживыми. Писатель не прибавил ни единого слова к тому, что ему рассказали Поль Бендель (выжженный на руке лагерный номер узника 167460), Миклош Нисли (A8450), Маша Равин (35332), Мира Онель (52323), Марк Клейн (A11953), Луиза Алькан (75125) и другие «неарийцы», депортированные в Освенцим из Венгрии, Голландии, Польши, Франции, Чехословакии. Но сионистов, видите ли, не устраивает, что этих и других узников спасли от гибели ворвавшиеся в Освенцим советские войска, что спасенные с неизбывным чувством благодарности рассказывают о советских воинах-освободителях, не только вызволивших, но и по-отцовски выхлудивших их, обессиленных, истощенных.

«С русскими в лагерь пришла жизнь», — так кратко и образно выразилась Одетта Элина-Грюффи (80580)... При свете свечи они начали

раздавать сухари из мешка, — свидетельствует Мира Онель. — Это продолжалось долго, потому что каждой больной они говорили несколько слов утешения, улыбаясь и ласково похлопывая по плечу: «Ничего, ничего, матушка! Скоро вернешься домой, только поправляйся поскорей».

А вот беседа писателя с Сюзанной Фальк (А5654) — когда советские воины вызволили ее из освенцимского ада, девушке было шестнадцать лет. Почти сорок лет спустя Сюзанна рассказывает Познеру:

— Русские стали раздавать продукты, посылки. Не помню сейчас (Сюзанна была тогда больна тифом. — Ц.С.), кто дал мне тот пакет. В нем были две банки консервов, которые я привезла во Францию. Я уже не была голодна, но не расставалась с ними ни на минуту...

Продолжая беседу с французским писателем, Сюзанна говорит, что спасение от смерти казалось освенцимским узникам совершенно невероятным.

Как же могут примириться сионисты с неопровержимыми доказательствами освободительной миссии Советской Армии во второй мировой войне? Ведь фенкелькрауты, бейеры, коски, блохи, харрисы и им подобные при засылке в Советский Союз получают в числе других задание — «на основе личных встреч» придумать очередную несусветную небыллицу для раздувания лживых измышлений о «равнодушии» советских воинов к судьбе евреев, заточенных гитлеровцами в лагеря смерти.

Взяв на себя мало подходящую ему высокую миссию гласящая людей «свободного мира», комментатор «Голоса Израиля» лицемерно вопит, что «не в состоянии понять, как можно запрещать иностранным гражданам, легально прибывавшим в Советский Союз, встречаться с евреями». В действительности же честные, прогрессивные люди мира не в состоянии понять, как сионистские эмиссары, прикрывшись туристскими визами, совершают несовместимые с туристским статусом деяния и позволяют себе вмешиваться во внутренние дела иностранного государства, клеветать на него, используя заведомо фальшивые «факты».

«Голос Израиля» требует реагирования «должным образом на незаконные действия по отношению к писателю Алану Фенкелькрауту». От кого требует?.. От... правительства Франции, у которого, по разумению комментатора «Голоса Израиля», нет более важных дел, нежели заниматься нечистопопытными делишками сионистских агентов.

Непрощеным моим «защитникам» из Парижа я обязан задать вопрос, какой задавал, задаю и буду задавать их единомышленникам из Нью-Йорка, Лондона, из любого центра международного сионизма: какими реальными и эффективными мерами защищают они своих трудящихся сограждан еврейского происхождения от непрерывно растущих нападков и преследований антисемитов? Стоит напомнить Алану Фенкелькрос — Фенкелькрауту, что близ той самой синагоги на улице Коперника, где всеведущий раввин Вильямс вручил ему списки подлежащих «обработке» советских евреев, профашистские молодчики из так называемой ФАНЕ организовали взрыв бомбы. Четыре человека были убиты,

шестнадцать ранены. Случись взрыв в часы, когда верующие направляются в синагогу, число жертв, по мнению журналистов (настоящих, а не подобных Фенкелькрауту), исчислялось бы несколькими десятками. Бандитскую организацию ФАНЕ официально прикрыли, но она продолжает свои антисемитские вылазки под маркой ФНЕ («Европейские национальные группы»).

Не в букровке суть, а в том, что профашисты на витринах небольших еврейских магазинов (к универмагам крупных еврейских фирм даже самые наглые антисемиты боятся подступить) малюют гитлеровскую свастику с надписью «Смерть евреям!»; что евреи, снимающие сравнительно дешевые квартиры в районе Сен-Март, вынуждены покидать жилье в этом районе, где особенно разгулялись антисемитствующие молодежи; что 3 апреля 1985 года в кинотеатре «Риволи-бобур», расположенном в центре Парижа, на улице Риволи, во время показа кинокартины «Эйхман — человек третьего рейха» произошел взрыв, пролилась кровь восемнадцати человек из числа зрителей, смотревших фильм, повествующий о преступлениях нацистского истребителя евреев. Защищает ли парижских евреев (разумеется, не ротшильдов) «комитет ученых в защиту советских евреев», пославший в нашу страну двух своих агентов с явно враждебными целями? Ограждает ли французский сионизм попранные права евреев-бедняков, уволенных рядом еврейских же фирм (назову для примера — трикотажную фабрику Або Руди в Париже) за нежелание состоять членом сионистской организации и вносить в их кассу ежемесячный «шекельный» сбор? Пресекают ли заправилы французского сионизма кахановские методы расправы юнцов из упоминавшейся уже организации под идиллическим названием «французская ассоциация университетских друзей из Тель-Авива» с «равнодушными к Израилю» молодыми евреями? Нетрудно предвидеть, что ответ на все эти вопросы может быть лишь однозначно отрицательный.

Уж очень часто ссылаются избалованные сионистские агенты на синагоги. Чем это объясняется? Главным образом, видимо, тем, что «туристы» пытаются «сыграть» на предусмотренном Конституцией СССР неотъемлемом праве граждан на исповедание любой религии. И вместо того, чтобы назвать действительно организовавшую и финансировавшую их поездку сионистскую службу, они вскользь упоминают безымянных людей то ли в синагоге, то ли близ синагоги, то ли из синагоги. Вот и получается, что антисоветскую литературу, запрятанную гражданкой Швеции Евой-Бритт Хенмарк в нателный пояс, она получила в стокгольмской синагоге. Та же стокгольмская синагога фигурирует и в объяснениях Магнуса Нойберга и супругов Рольфа и Дорис Мосер. Точно так же «в парижской синагоге» получили литературу для распространения среди советских евреев Анна Фелус и Ален Мелкуль. Но литература-то была далеко не божественного содержания.

Семья Альберта Боренхоффа (с ним приехали из Дании жена и сын) получила, оказывается, тоже в синагоге Копенгагена не только соответствующую литературу, но и нателные жилеты из арсенала профессиональных контрабандистов. Правда, Альберт Боренхофф, как можно судить по его интервью ленинградскому телевидению, не только признал, что поступок его семьи является вмешательством во внутренние дела иностранного государства, но и призвал всех иностранных туристов, которые могут увидеть на телевизионном экране его выступление, не заниматься антисоветской деятельностью и не совершать действий, наносящих вред укреплению взаимопонимания между государствами. Конечно же, на абстрактную синагогу выгоднее кивать, нежели назвать конкретную сионистскую организацию. Но неужели сионистским агентам невдомек, что в их трактовке функции синагоги приобретают странный, мягко говоря, характер?

Всеведущая, но точно не обозначенная синагога в Нью-Йорке сумела, по словам приехавших из США супругов Мордехая и Наоми Ротенберг, снабдить их адресами граждан Москвы, Ленинграда, Харькова, Одессы. Для чего? Для того, чтобы — по признанию четы Ротенберг — «изучить условия жизни евреев, преследуемых в СССР».

Жители Хьюстона (штат Техас) Майкл Осивас и Августина Рейес не ссылались ни на синагогу, ни на неизвестных женщин. Но виновником их противоправных действий в Советской стране, по их версии, оказалась все-таки не сионистская организация, а духовная особа — раввин еврейской общины Хьюстона. Это он, оказывается, жаждет получить сведения о тяжелых условиях жизни советских евреев, а чтобы материально стимулировать «собеседников», послал им «подарки». Правда, частью раввинских подарков Осивас и Рейес предпочли в Ленинграде спекулировать, на что «неблагодарные» советские граждане обратили внимание милиции. Бельгийские граждане Марк Волф и Мишель Вэнблком вообще ни на кого не ссылались. Сионистскую литературу, которую «туристы» пытались скрыть от таможенного досмотра, они «взяли в городе Льеже».

Иные «туристы» предпочитают не ссылаться на кого-либо и что-либо. К таковым относятся шведские граждане Петер Милькевитц и Ирене Диамант Гель, пытавшиеся в специальных нателных жилетах везти в Ленинград враждебную нашей стране сионистскую литературу. Не придумали никаких туманных псевдонимов для пославших их в Советскую страну сионистских организаций и граждане США Ефрем Зурофф и Мильтон Готтсман, хотя были в Риге уличены в агитации за выезд в Израиль.

Правда, канадские граждане Дэвид Стар и Юлия Эпштейн, посетившие Москву, Минск, Ленинград, Ригу, Вильнюс и избалованные в проведении сионистской пропаганды, отважились признать себя членами одной из сионистских организаций Канады. Откуда бы ни приезжали к нам сионистские эмиссары, на какой бы день пребывания у нас их ни

разоблачали, они прежде всего прописывают один и тот же «рецепт» своим собеседникам — и явным подголоскам, и тем, кого сионистская пресса с презрением величает «несозревшими апельсинчиками».

Существо универсального рецепта, как можно судить по письменной инструкции, адресованной с Запада некоему заслужившему доверие сионистов ленинградцу, сводится к тому, что главным образом надо поднимать шум по любому поводу и без всякого повода. Сионистские структуры рекомендуют своим зазывалам шуметь как можно громче, не вдаваясь в подробности. По какой бы причине ни было отказано кому-либо в визе на выезд из СССР в Израиль, на Западе требуется «с первой же оказией» получить уведомление, что отказ бесчеловечен и незаконен, что желающий выехать якобы тяжело болен, живет чуть ли не впроголодь и мечтает распрощаться с жизнью только в Израиле. А тем, кому выдана виза, рекомендуется «тянуть резину» как можно дольше, то есть любыми средствами задерживать свой выезд, чтобы числиться в клане лиц, которым в выезде якобы отказано. Авторы инструкции красноречиво предупреждают ленинградского адресата, что его молчание, то есть нежелание поднимать шум по любому поводу, на Западе могут расценить «за нежелание действовать».

Такая же угрожающая, столь свойственная сионизму нотка еще более выразительно звучит в другой инструкции, подчеркивающей мифическое «триединство»: Израиль, сионизм и еврейство. Они, дескать, неразделимы, и тот, кто решил «вернуться» на «историческую родину», пусть не стесняется защищать ее любыми средствами. Не стесняться — и баста!

После очередного провала на советской земле сионистские эмиссары под туристской личиной тоже ничуть не стесняются действовать по тому же провокационному принципу: поднимают шум по любому поводу и без оного. Они (американские «туристы», и английские, и французские, и прочие) истерично вопят: «Нас лишают возможности общаться с евреями, желающими репатрироваться в страну отцов!»

Оставим в стороне спекулятивное применение — в который раз! — понятия «репатриация», обозначающего, как известно, возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами вследствие войны, а также эмигрантов. Ограничимся только перепечаткой из журнала короткого отрывка из беседы корреспондента с иностранцем, побывавшим в Москве и Ленинграде.

«— Была ли у вас возможность встречаться с евреями, желающими выехать из Советского Союза?»

— Да, нам никто не мешал. Я ездил на встречи с ними, они приезжали к нам в гостиницу. Мы беседовали и с отдельными людьми, и с группами, виделись днем, вечером, ночью».

Как называется журнал, где он издается?

Название журнала — «Израиль сегодня», издается на русском языке в Иерусалиме, придерживается резко антисоветского направления.

С кем его корреспондент беседовал — имя, фамилия, профессия, политические убеждения?

С Менахемом Акоэном, раввином, депутатом израильского квессета от блока «Маарах». В декабре 1981 года, я, автор этого очерка, встречался с Акоэном в Советском комитете защиты мира в Москве и могу засвидетельствовать: приверженностью советскому строю господин раввин не страдает, скорее наоборот. Просто он не решился назвать белое черным, проявил элементарную человеческую честность.

А ее начисто лишены гудманы, бейеры, мелвины, калмсы, фенкель-крауты и прочие сионистские вожаеры, приезжающие в нашу страну с заданиями пакостить, клеветать, вредить.

Так их наставляют лидеры международного сионизма, вышколенные партнерствующими разведками — американской и израильской. Но и такая матерая школа не спасает сионистских эмиссаров, под какими бы документами они к нам ни пробирались — туристскими, корреспондентскими, дипломатическими. И вынуждены они убираться от нас несолоно хлебавши. Впрочем, дома им, вероятно, достается весьма солоно от взбешенных их провалами хозяев.

Пусть бесятся сколько угодно. У нас их посланцев ждет только одно — крах. Неизбежный. Неминуемый.

ПРАВДА О СИОНИСТСКОМ ТЕРРОРЕ

Июль сорок первого. Опаленная огнем войны Смоленщина.

Близ узкой проселочной дороги белеют большие прямоугольные палатки. На белой парусине отчетливо алеют огромные красные кресты — здесь медсанбат. Неподалеку наши пехотинцы при поддержке гаубичной артиллерии ведут тяжкий оборонительный бой с фашистскими захватчиками. В медсанбат непрерывно доставляют раненых. Обессиленным санитаркам помогают школьники из ближних деревень. Ребяташки сумели прикрепить к верхушкам четырех высокоствольных берез белое полотнище с красным крестом. Они дежурят с носилками у тропинки, ведущей прямо в перевязочную. Подносят к запекшимся губам раненых фляги с водой.

Вдруг слышится надсадный рев подкравшегося фашистского «Хейнкеля». Он пикирует прямо на палатки медсанбата. Взрывы. Треск пулеметных очередей. И прежде чем наш «Ястребок» заставляет «Хейнкеля» набрать высоту, фашистский летчик простреливает руку одному из деревенских ребяташек.

«Я видел загорелый локоток,
По-взрослому насупленную бровь.
На белый бинт, на синий лепесток
Стекала струйкою ребячья кровь.

Наш истребитель в небо взмыл винтом,
Донесся дальний гаубичный гул.
Я этим окровавленным бинтом
Моей Отчизне снова присягнул».

Стихотворение, опубликованное фронтовой газетой, я озаглавил «Присяга». И так назвал мою первую книгу военной поры.

После этого не раз я видел — на белорусской земле и в Польше, — как фашистские летчики и минометчики преднамеренно обрушивали огонь на госпитали, медсанбаты, перевязочные пункты...

Октябрь восемьдесят второго. Объятый пожарами необъявленной, но несказанно жестокой войны Ливан.

Израильская военщина прицельно бомбардирует и обстреливает здания гражданских госпиталей «Акка», «Газа», «Барбир», несмотря на то, что на них вывешены флаги и эмблемы Международного Красного Креста. Прицельная стрельба ведется и по психиатрической больнице — гибнут 27 больных. Это происходит в часы, когда часть помещения больницы приспособлена врачами Красного Креста под хирургическое отделение, где оперируют тяжело раненных детей. Ребятишки от четырех до десяти лет, они подобрали на улицах игрушки с монтированными в них минами-ловушками. В ручонках других оказались сброшенные с израильских самолетов куклы с бомбами-ловушками. Хирургам приходится прибегать к ампутации — если детишки и выживут, они на всю жизнь останутся калеками без рук. А некоторые и без ног. Иностранные врачи, посланные в Ливан Красным Крестом и Красным Полумесяцем, подняв белые флаги, направляются к творящим геноцид израильским офицерам, в том числе к командиру большой войсковой части полковнику Мозеру. Ответ один: местоположение госпиталей и больниц оккупантам известно по картам, но... гарантировать безопасность лечебных учреждений, где оказывают медицинскую помощь «террористам», невозможно. А «террористы» — дряхлые старики, беременные женщины, маленкие дети — гибнут в Западном Бейруте при попытке добраться до госпиталя. Многие из тех, кому удалось добежать до врачей, ранены фосфорными бомбами и снарядами, применение которых истощно отрицают израильские вояки и их американские покровители.

Пятнадцатилетняя девочка Амаль Шаабан вместе с другими учениками находилась в школьном бомбоубежище, когда туда проникло смертоносное белое облако фосфорной бомбы. «Все дети были сожжены, — рассказала Амаль. — Я почувствовала огонь у себя на спине. Сорвала с себя платье и выбежала из убежища». В госпиталь «Ляхут» доставляют мужчину лет сорока, тоже раненного фосфорной бомбой. Даже привыкшие к виду самых тяжелых ран врачи не могут смотреть на него без содрогания. Тело человека покрыто мелкими ожогами от фосфора. Ожоги проходят через его кожу и подкожные ткани вплоть до обуглив-

шихся мышц на руках и груди. Левая нога беспомощно свисает с операционного стола. Ступня выжжена и медленно тлеет. Когда раненому зажимают нос, изо рта бегут клубы дыма. Человек продолжает гореть изнутри в течение шести часов. Преднамеренно разрушили израильские каратели и госпиталь в районе Айн-аль-Хильва, что по-арабски (какая трагическая ирония!) означает «Источник красоты». Но в те часы он превратился в источник неисчислимых бед ни в чем не повинного гражданского населения. Раненых приходилось оперировать в бомбоубежище. Водопровод разрушен, и для утоления жажды оперирующие хирурги вынуждены были вскрывать ампулы болеутоляющей жидкости. Короче, в Ливане, повторяя опубликованное в израильской газете «Гаарец» письмо израильского солдата, военщина этой страны претворила в жизнь слова, сказанные в Библии: «И горы превратились в ущелья». Ущелья развалин, пепелищ, выкорчеванных садов, ущелья, обогранные кровью людей, исстари живших и трудившихся на этой цветущей земле. Но ливанские и палестинские патриоты несломимы. Они могут сказать своим преследователям и карателям пламенными словами выдающегося палестинского поэта Моина Бсису:

Пускай наши руки железо грызет,
пусть плети гуляют по телу...
Мы преданы жизни, победа — грядет,
а смерти мы скажем, коль раньше придет,
что служим бессмертному делу!

Эти строки вошли в стихотворение, стихийно ставшее гимном палестинцев и ливанцев, томящихся в израильских концлагерях и тюрьмах.

«Нам следовало давать названия вещам» — утверждает выдающийся писатель современности кубинец Алехо Карпентьер, считавший свою художественную публицистику более действенной, нежели его знаменитые романы и повести. Говоря о поиске точных названий, Карпентьер вначале имел в виду все чудесное в нашем мире. Но у Карпентьера нашлись затем слова и для того, чтобы точно назвать то, что он видел в «Испании под бомбами» в черную пору франкистского мятежа, и драматические события в Германии после прихода Гитлера к власти.

Дадим, следовательно, исчерпывающее название и всему, что учинили израильские интервенты и их американские союзники в Ливане, причем не только в месяцы захватнического продвижения по ливанской земле, но и во время так называемого «поэтапного отхода». Название может быть только одно: обыкновенный фашизм.

Да, к фашизму — вот к какому страшному для человечества явлению все приметней скатывается израильская военщина, снаряженная и посланная сионистскими правителями Израиля на захват арабских земель, на кровавые расправы с арабскими народами.

«Затяжная оккупация и война в Ливане привели к сдвигу во внутренней политике Израиля дальше вправо, — отмечает Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля товарищ Меир Вильнер. — Подняли голову экстремистски настроенные фашистские и расистские силы».

Фашистские и расистские силы! На них опирается правящая сионистская верхушка Израиля, последовательно расширяя круг гитлеровских методов подавления и истребления палестинского и ливанского арабских народов.

Особенно явственно проявилась эта зловеющая последовательность в пору непрерывных, тотальных нападений на истерзаный Ливан разбойничьих полчищ сионистской военщины Израиля. Именно сионистской, ибо в самом Израиле и даже в его воинских частях есть, как читатель сможет убедиться, люди, глубоко возмущенные агрессивными, оккупационными, жестокими деяниями вооруженных сил своей страны на захваченной ливанской земле.

Фашизируется армия Израиля, по-нацистски изощренно расправляется она с людьми «неполноценной» арабской расы на аннексированных палестинских и ливанских землях, а монополии и реакционные круги США всячески поддерживают расистские акции сионистских карателей.

«Яд расизма, — точно отметил Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл, — изуродовал политическую, экономическую и социальную структуру Соединенных Штатов». Это полностью относится и к их стратегическому союзнику, их ближневосточному жандарму — Израилю, чьи каратели по-гитлеровски расправляются с арабским населением на захваченных землях Палестины и Ливана.

По-гитлеровски? Да, по-гитлеровски!

Такое определение закономерно вытекает из документов Международной комиссии по расследованию израильских преступлений против ливанского и палестинского народов, в которую входят общественные деятели, юристы и медики самых различных политических убеждений из Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, ГДР, Голландии, Греции, Израиля, Индии, Канады, Кубы, Ливана, Норвегии, Организации Освобождения Палестины, Португалии, Сенегала, СССР, США, Финляндии, Франции, ФРГ, Швеции, Шри Ланки.

Свое последнее воззвание Международная комиссия приняла в Бонне 31 марта 1985 года — накануне сорокалетия «окончания второй мировой войны, в которой погибли миллионы людей, в том числе евреев, и которая закончилась Нюрнбергским процессом». Напоминание о Нюрнбергском процессе сделано неспроста, адрес такого напоминания предельно точный:

«40 лет спустя мы являемся свидетелями того, что некоторые бывшие узники лагерей смерти превратились в военных преступников, попирающих права человека и резолюции международных организаций».

Эти «некоторые» живут в Израиле, их поддерживает международный сионизм. Они совершают военные преступления, попирают челове-

ческие права арабов и систематически игнорируют резолюции ООН. Короче, орудут вполне по-гитлеровски. Добавим только, что достойными последователями превратившихся в военных преступников некоторых бывших узников лагерей смерти стали многие из их детей и внуков. Вероятно, эти юнцы, подобно своим неонацистским сверстникам из ФРГ, считают, что гитлеровских фабрик уничтожения людей, мол, не было, что гитлеризм в людоедском плане «Ванзее» не предусмотрел истребление 11 000 000 европейских евреев, что якобы не отважные наступательные операции Красной Армии в значительной мере помешали фашистам полностью осуществить свой каннибальский план.

Свой каннибальский план истребления арабского населения имеется и у сионистских правителей Израиля.

В этом могли убедиться врачи, командированные в Ливан организациями Красного Креста и Красного Полумесяца. Вот несколько отрывков из их показаний на заседании медицинского подкомитета Международной комиссии по расследованию израильских преступлений против ливанского и палестинского народов:

«Я чувствую себя, как персонаж из Данте. Я видел ад и вернулся. Другим так не повезло,— утверждает Кристофер Жанну.— Я был свидетелем страданий и смерти в таких крупных масштабах, что в моей памяти возникают сюрреалистические¹ образы... Я был очевидцем того, как погибло 300 человек... Я видел 40—50 трупов, включая женщину. Она оставила сиротой новорожденного ребенка... Во время допросов я слышал удары, которые доносились из соседней комнаты, и видел состояние, в котором находился узник: его лицо распухло, под глазами были синяки, и изо рта текла кровь. На дворе солдаты жестоко избивали арестованных...»

«Заклоченных истязали,— по свидетельству врачей Стейнера Берге и Ойвинда Меллера,— палками и ножками от стола. Использовались также гибкие прутья. Эти прутья были длиной около метра и приблизительно два сантиметра толщиной. Для избиения использовались также длинные пластиковые трубки и толстые веревки с большими узлами на конце. К концу веревки был привязан кусок металла. В дубинке — ножке от стола — торчал гвоздь. Солдаты использовали пластмассовые веревки, связанные вместе как кнут. Узники подвергались постоянному избиению кулаками и прикладами, их пинали сапогами. Часто раздавались выстрелы в воздух прямо над головами заключенных. Избиение не прекращалось в течение всего дня. Заключенных зачастую били в живот, в грудь, по плечам и в пах, в зависимости от того, в каком положении они сидели. Пластиковые веревки, которые использовались для связывания

¹ Имеются в виду чудовищные, противоестественные галлюцинации.

рук заключенных, были плоскими и с острыми краями, вызывавшими боль...»

«В тюрьме находились сотни заключенных, сидевших на дворе под солнцем, — показывает женщина-врач Пирко Парвайнен. — Их руки были связаны за спиной, на глаза были надеты повязки. В течение первых двух-трех дней арестованные не получали ни воды, ни хлеба, испытывая страдания. Если они просили воды или пищи, их зверски избивали. Ночь они проводили в переполненном дворе, связанные по рукам и ногам. Двор был окружен танками, фары которых освещали всю площадку. Солдаты подвергали заключенных психологическим пыткам, угрожая направить на них танки. Каждый заключенный имел или большой крест или номер, нанесенный на его рубашке... Это было ужасное зрелище. Все дома разрушены, улицы были полны воронок от бомб, чувствовался запах сгоревших трупов. Здесь были убиты сотни, возможно, тысячи людей...»

Я дословно цитирую материалы медицинского подкомитета, заседавшего в Афинах в ноябре 1982 года. Эти цитаты, как видит читатель, относятся, следовательно, к самому началу оккупации израильскими головорезами ливанской земли. Приведи я цитаты из материалов боннского заседания Международной следственной комиссии в марте 1985 года, читатель с еще большим правом мог бы счесть их выдержками из книги Познера об Освенциме. Как и эту книгу, многие документы Международной следственной комиссии тоже можно с полным правом назвать «Нисхождением в ад».

Ансар. Это проклятое название самого страшного из израильских концлагерей известно всему миру. В Ансар оккупанты привозили главным образом молодых узников — палестинцев и ливанцев. Там с дьявольской изощренностью был разработан механизм превращения юношей в апатичных рабов, подавления в них воли к сопротивлению. Им внушали, что из ансарского ада они могут выйти только изуродованными калеками, неспособными к труду и борьбе.

Об Ансаре столько писала мировая пресса, о нем гневно говорилось на стольких митингах и демонстрациях протеста (и в Израиле тоже), что сионисты, привыкшие цинично игнорировать требования прогрессивной общественности, вынуждены были объявить: лагерь в Ансаре ликвидирован, узники выпущены на свободу. Сионистская пропаганда несколько дней криду трубила и вопила о гуманности израильских карателей. А затем выяснилось: более тысячи двухсот ансарских узников (преимущественно молодежь, представляющая сионизму в «перспективе» наиболее опасной) вывезены из Ансара в застенки на территории Израиля. Из одного круга ада молодые арабы попали в другой — еще более кошмарный. Французская прогрессивная печать небезосновательно предполагает, что среди них остались и несовершеннолетние — ведь в Ансар с завязанными глазами доставляли и десятилетних «террористов».

Сионистская пропаганда продолжает, однако, умалчивать о судьбе узниц Ансарии. Это не опечатка — неподалеку от Ансара интервенты оборудовали по всем нацистским канонам его женский филиал. Об этом проболтался израильский военный журнал «Бахмахане». В Ансарию «для фильтрации» безжалостно бросали арабских девушек, подлежащих в «терроризме». По садистским пыткам и мучениям, по зверскому режиму, по произвольным приговорам без следствия и суда Ансария ничуть не отличалась от Ансара. Узниц там тоже допрашивали преимущественно по ночам. Избиения и угрозы чередовались с уговорами пойти на предательство. Взамен гарантировалась «красивая жизнь» в одной из южноамериканских стран.

Честные люди планеты никогда не простят сионизму ада Ансара и Ансарии, как не простят Сабры и Шатилы, руин Бейрута и Сайды, выжженных садов и плантаций Южного Ливана, не простят замученных стариков и женщин, покалеченных детей.

Не забудем, не простим!

И запомним: сионизм стимулировал зверства своей военщины еще и для того, чтобы «закалить» израильскую молодежь, внушить ей, что «при защите национальных интересов нельзя расслабляться и опускать руки», что в операциях «железного кулака» не может быть запрещенных средств. Это вдалбливалось даже в сознание школьников. Причем до того демагогически ловко, что целые классы школьников узнавали о потерях израильских войск в Ливане, только увидя прибывшие оттуда гробы. Что ж, и неонацисты ФРГ и других западных стран тоже стараются внушить — и порой не без успеха — молодежи и детворе, что гитлеровцы никаких зверств не творили, что все это выдумки коммунистов. Налицо полная идентичность неонацистской и сионистской пропаганды.

Сообщения о карательных акциях израильской военщины в Южном Ливане и на захваченных палестинских землях очень часто озаглавлены так: «Нападение на университет», «Разгром студенческой демонстрации», «Облава на юных патриотов», «За лагерную ограду брошены молодые», «Сфабриковано ложное обвинение против молодежной организации».

Случайны ли целенаправленные расправы захватчиков именно с молодыми палестинцами и ливанцами? Нет. Если наглой охотой на души еврейской молодежи сионизм силится расширить свои ряды, он с еще большей оголтелостью старается истребить или по крайней мере вывести из строя молодежь «неполноценной расы». И налицо результат: во время облав и прочесываний израильские ищейки прежде всего набрасываются на молодежь, среди заключенных почти во всех лагерях преобладают молодые. В Ансаре, например, для них имелись особые «строгие зоны». Юношей и девушек пытаются сломить морально, искоренить в них малейшие признаки национальной культуры и быта, подавить чувство свободолюбия, лишить человеческого достоинства. Знакомый гит-

леровский прием. Вот как точно и беспощадно пишет о нем известный советский писатель Даниил Гранин:

«Прежде чем втолкнуть людей в газовую камеру или выстрелить им в затылок, убивали в них дух к сопротивлению, превращали их в униженных, покорных тварей. Механизм этот был разработан, а может, постепенно развивался во всех деталях, начиная с того, как не давали мыться, как люди погружались в грязь, в безразличие, как они подбирали с земли картофельную шелуху, объедки... Вся, вся лагерная жизнь состояла из этих подробностей унижения, несправедливостей, в которых и нужды-то особой не было, логики не было, потому что заключенных можно было уничтожить и без того. Но фашизм — это человеконенавистническая идеология, им надо было ежедневно утверждать презрение и ненависть к людям».

Почему все это усердно копируют сионистские притеснители арабов, зачем им требуется непрестанно вытрачивать чувство человеческого достоинства из молодого ливанца, молодой палестинки?

Расчет настолько же прост, насколько циничен. Юноша, которого заставляли, стоя под солнцем на коленях, славить Менахема Бегина, девушка, которую заставляли давать показания военному следователю нагишом, выйдут из лагеря духовно сломленными, нравственно опустившимися, неспособными к борьбе с тиранией — вот на что рассчитывают составители «правил» содержания заключенных в лагерях для палестинских и ливанских «террористов». Начальники израильских карательей так рассуждают, памятуя, во-первых, нацистский опыт и, во-вторых, то, что истинный терроризм стал признаком государственной жизни заокеанских хозяев израильского сионизма.

Какими документами можно лишний раз подтвердить драконовскую жестокость, характеризующую упомянутые «правила»?

Хотел было процитировать свидетельства известного израильского адвоката Фелици Лангер, вот уже много лет защищающей подсудимых арабов в израильских судах (если, конечно, дело доходит до суда, а не решается пистолетным выстрелом или ударом дубинки лагерного охранника). Но зачем, подумал, ссылаться на члена Коммунистической партии Израиля, антисионистку, прогрессивную общественную деятельницу. Сионистская пропаганда, как обычно, начнет вопить: «Выдумки! Подтасовка фактов! Разве можно верить противнику сионизма!»

И решил я воспользоваться дневником ветерана войн с арабами, полковника резерва израильской армии, активного участника первого нападения израильских войск на Ливан в 1978 году. На сей раз Дов Иермия добровольно пришел на ливанскую землю в составе специального отряда «по работе с гражданским населением ливанского юга». Какое благолепное название!

Профессиональный военный, многолетний израильтянин, Дов Иермия не «голубь», как обоснованно говорит о нем публицист Игорь Беляев. «Иермия с самого начала уверен, что израильская армия вошла в Ли-

ван, чтобы «бороться с террористами». Какими? Ясное дело — палестинскими. Террористами он называет всех палестинских арабов, чем удостоверяет свое явно предвзятое отношение к проблеме проблем Ближнего Востока. Однако от этого его свидетельство (опубликованный во Франции дневник.— Ц. С.) не стало менее убедительным и достоверным».

Итак, короткие отрывки из дневника полковника израильской армии Дова Иермии, рассказывающие в основном о первых днях войны против Ливана, — следовательно, до кошмара Сабры и Шатилы, до пика варварской практики «выжженных земель» в дни «поэтапного отхода» израильских интервентов из Ливана. Говорится лишь о том, что полковник лично наблюдал в Айн-аль-Хильве, Сайде, Тире:

«В восемь часов бомбардировка Айн-аль-Хильве прекратилась. Самоходки прочесывают улицы, а мощные громкоговорители приказывают населению собраться на въезде в город у монастыря... Запасы воды и продовольствия недостаточны для удовлетворения потребностей арестованных, часть которых лишилась всего... Самое страшное — это несчастное положение гражданского населения. Слышатся рыдания, вызванные гибелью близких... На заседании штаба я потребовал, чтобы население раздавали воду и продукты. Командир резко ответил: «У арабов есть обычай запасать продукты, и нечего о них так уж беспокоиться». Я сказал, что их дома разрушены. Если там и были запасы, то отыскать их невозможно, тем более что мы второй день подряд фактически держим население в заключении. На это мне заметили: «Ты весь день проводишь на улицах, хотя мы тебе это запретили. Ты подвергаешь себя опасности. Лучше пусть умрет тысяча арабов, чем мы потеряем одного из нас».

На следующий день полковник Иермия записывает:

«Трупный запах пронизывает весь город. По словам мэра города, только в убежище одной из школ в центре — не меньше двухсот трупов. Сотни трупов разбросаны по городу».

Полковник начинает прозревать:

«У меня ощущение, что на этот раз многие солдаты поймут, сколь велики преступления и ошибки, совершенные Израилем, когда он начал эту войну. Мне жаль, многие страдают при виде того, что мы превратились в дикую орду, для которой огонь, разрушения и смерть стали как бы второй натурой... Воздух пропитан трупным смрадом. Армия продолжает сеять смерть и разрушения. Мне стыдно, что я принадлежу к этому отныне наглому, спесивому и жестокому народу, способному возносить песнопения¹ на развалинах».

Миновал еще один день беспощадной расправы с мирным населением:

¹ Полковник имеет в виду субботние молитвенные гимны израильских солдат — Ц. С.

«Этим утром бомбардировка Айн-аль-Хильве возобновилась. Говорят, что там все еще прячутся «террористы». И вот в небе вновь появляются самолеты, сбрасывают на лагерь бомбы. Бронетранспортеры вновь выведены на городские улицы. Еще десятки тысяч людей согнаны на берег моря. Солдаты проявляют по отношению к ним крайнюю жестокость».

После субботы начинаются новые, еще более изощренные издевательства над арабами:

«Во дворе собраны пять-шесть сотен «приведенных»¹. Они стоят на солнце, руки связаны за спиной, у некоторых повязки на глазах. Их охраняют десятки солдат с автоматами на изготовку. Некоторые пленные ранены, они тоже ждут на солнце. Я замечаю пожилого мужчину, сидящего, прислонившись к колонне здания. На глазах повязка, руки связаны. Вооруженный солдат, не переставая, бьет его по лицу. У пленника все лицо в крови, но солдат продолжает его избивать. Я спросил у солдата, почему он так жестоко обращается с пленным. «Это один из самых опасных», — ответил солдат. — Он все время пытается освободить руки. Пусть все остальные пленные видят, как я его бью, чтобы им было неповадно. Пусть извлекают уроки». Тогда я спросил: «Кто дал тебе приказ так вести себя?» — «Командование части». Чтобы полностью ввести меня в курс дела, он добавил: «Они этого заслуживают».

В таком разбойничьем духе воспитан не только этот каратель.

«Чуть дальше я вижу двух здоровенных солдат. У них в руках резиновые дубинки толщиной в десяток сантиметров. Они ходят между рядами и без разбора бьют направо и налево. Их удары приходятся по головам, плечам, спине, рукам. За ними идет третий солдат. Он поправляет нарушенный строй. Хватая людей за волосы и водворяя на место, он выстраивает всех снова в ряд. Пленные получают приказ сидеть, согнувшись вперед, голова — между коленей. Воздух пропитан запахом нечистот. Кое-кто, похоже, потерял сознание. Другие стонут, потихоньку плачут от боли или страха. Некоторые просят дать им немного воды. Раненые умоляют оказать им помощь. Некоторые молятся. Наконец, есть такие, что сидят молча, смело глядят вам прямо в лицо, и в глазах их сверкает ненависть».

Когда знакомиться с записями Дова Иермии, в котором заговорила, наконец, совесть, создается впечатление, что речь идет о спасенных советскими воинами узниках еврейских гетто и лагерей смерти в Освенциме, Майданеке, Штутгофе, Равенсбрюке, в городах Украины и Белоруссии. Вспомните выступление Ирины Михайловны Хариной, бывшей узницы Освенцима, ныне директора Государственной публичной на-

¹ «Приведенные» (как и «задержанные») — это интернированные, арестованные. Как мы знаем, сионисты и их вояки любят невинные псевдонимы — Ц. С.

учно-технической библиотеки СССР, на пресс-конференции Антисионистского комитета советской общественности в апреле 1985 года:

«На наших глазах гибли люди от голода, отравлений, чудовищных истязаний... В 25-м бараке, бараке смерти, узниц держали по несколько дней, не давая им ни хлеба, ни воды. Оттуда все время неслись нечеловеческие крики и стоны... Судьба детей в Освенциме была самой страшной в истории лагеря. Нельзя было без ужаса смотреть в глаза истощенных, умирающих детей. У них оставались одни глаза... Эти глаза спрашивали: «За что?»».

«За что?» — спрашивали, моля о помощи, и скорбные глаза детей в оккупированных палестинских и ливанских городах и поселениях, где израильские каратели истязали и мучили их матерей и отцов, бабушек и дедушек.

За что?

На этот вопрос мог и должен был бы ответить израильский министр Яков Меридор. В одном из израильских правительств он был министром культуры и просвещения, а с начала оккупации Ливана кабинет министров назначил его «ответственным за гражданское население». Он навесил в Сайде отряд «по работе с гражданским населением». Вот как описывает полковник Иермия беседу с Меридором:

«Его вопросы и ответы на вопросы участников собрания — подлинное издевательство, смесь невежества, цинизма и злобы. Когда его спросили, какой политики следует придерживаться по отношению к палестинским беженцам, он сказал, сделав красноречивый жест двумя руками: «Их нужно вытеснить на Восток, в направлении Сирии. Дайте им уйти туда, но не пускайте назад».

Удивленный стойкостью измученных палестинцев, полковник Дов Иермия записывает в дневнике:

«Из всех войн Израиля впервые «террористы» демонстрируют такое мужество. Возможно, их инфраструктура будет разрушена, руководство уничтожено, но в этой войне родилось новое поколение, начался новый период, который останется в палестинских анналах как героический момент, на примере которого будут воспитываться грядущие поколения. И коли наши руководители и наши военные стратеги ничего не поняли и ничему не научились, следующая кампания будет в десять раз труднее».

Дов Иермия, заметим, оказался прозорливей сионистских лидеров и генштабистов Израиля: интервентская кампания дальнейшего захвата ливанских земель принесла израильской военщине небывало большие потери и открыла глаза многим и многим израильтянам на пронацистские деяния их войск.

А покамест Дов Иермия фиксирует в своем дневнике изощренные издеательства оккупантов над населением Тира:

«Этим утром был оцеплен квартал Хиялия. Население подверглось новому унижению. Солдаты приказали жителям разделиться на три группы: христиан, мусульман и палестинцев. Вчера был блокирован дру-

гой квартал. Там метод был усовершенствован. Христиан выстраивали в тени, а мусульман и палестинцев на солнце».

Еще более кошмарные факты приведены в дневнике полковника Иермии на страницах, рассказывающих о «правилах» обращения с заключенными в лагере Ансар. Не буду пересказывать эти страницы — не хочу еще раз подвергать читателей нисхождению в ад. Нет, все-таки приведу одну, только одну фразу из рассказа одного из ансарских узников, услышанного Довом Иермией: «Я думаю, что все, кто прошел через этот лагерь, не могут остаться физически и психически нормальными». Что ж, как раз на это и рассчитывали израильские каратели, когда именно в Ансар отправляли тех, у кого, казалось, вся жизнь впереди — молодых арабов. В молодежных бараках для молодежи были заранее подготовлены «специальные камеры» — вот как они выглядят в описаниях очевидца:

«Она сделана из листового железа с таким расчетом, чтобы помещенный в нее человек не мог сесть или вытянуться. В ней можно только стоять, а вместо пола — гравий и железки. Летом в камере невыносимо жарко. Обычно наказание продолжалось четыре часа. Многие извлекали оттуда в бессознательном состоянии с окровавленными ступнями».

Хоть и с большим запозданием, но все-таки прозрел закоренелый сионист Дов Иермия. Многие молодые воины Цахала (так в Израиле именуется армия «оборонь») прозревают быстрее. Тысячи молодых солдат и офицеров предпочитают идти в тюрьмы, нежели творить военные преступления в Ливане. Об этом на боннском заседании Международной комиссии по расследованию израильских преступлений против палестинского и ливанского народов сказала Фелиция Лангер, вице-президент израильской Лиги защиты прав человека.

Чего только не придумывают сионистские пропагандисты, чтобы обосновать захват ливанских земель и чуть ли не священную обязанность Израиля после «поэтапного отхода» создать на границе с Ливаном мощные «оборонительные» укрепления и войска быстрого развертывания по американскому подобию. Особенно назойливо муслируется такая лицемерная версия: Израиль, дескать, обязан охранять мир на Ближнем Востоке (началось все, помните, с пресловутого «мира Галилее») и защищать... Ливан. От кого? От собственного народа? От дружественной Сирии?

Прием, заимствованный из арсенала насквозь лживой пропаганды американского империализма: Гренаду растерзали, ради, мол, защиты этой маленькой страны от собственного народа. С такой же высокогуманной целью долгое время ведется против Никарагуа необъявленная война и объявленная экономическая блокада этой молодой республики, освободившейся от диктатуры американского ставленника Сомосы.

Прием для США далеко не новый. Обратимся вновь к гневным строкам Алехо Карпентьера, вспомнившего «зловещие и опасные дни, когда все силы капитализма, империализма объединились против едва

родившейся Советской власти, когда девять тысяч американских солдат (этот факт незаслуженно упускается из виду) оккупируют Транссибирскую магистраль от Владивостока до озера Байкал якобы для защиты русского народа... От кого, спрашивается, защищать, если на русский народ напали с Севера Англия и Франция, с юга — три белые армии, не считая самих Соединенных Штатов в Сибири?»

Израильские сионисты показали себя достойными учениками американской реакции и вовсю горланят о своем «долге защищать ливанский народ». И «защищают» на «крестоносный» манер, топя народ в реках крови, засыпая его землю грудями развалин, застилая его небо пороховым дымом. Они копируют (конечно, с учетом роста военной смертоносной техники!) преступления гитлеровцев в захваченных странах Европы, они копируют преступления американского милитаризма во Вьетнаме.

Недовольство и возмущение войной в Ливане охватило все слои израильского общества. Даже не очень-то прогрессивный писатель Моше Дор решил в марте 1985 года опубликовать открытое обращение к правительству «национального согласия» Переса-Шамира под красноречивым заголовком «Уходите!».

В одной из тель-авивских газет обращение Моше Дора соседствует со статьей под патетическим заголовком «Когда уже это кончится?». Вольно или невольно автор статьи, укрывшийся под инициалами Р. Э., повторяет «доводы» гитлеровской пропаганды, утверждавшей, что партизанское сопротивление интервентам выходит за рамки «правил» захватнической войны.

«Цахал» может воевать с вооруженными до зубов частями вражеской армии, — гордо констатирует господин Р. Э., — он в состоянии пустить в ход свою авиацию, танковые части и артиллерию (их, добавим, немедленно поддержит американский военно-морской флот — Ц. С.). Но «Цахал» не может воевать с каждым юношей 14 лет, который пускает в ход подрывное устройство, или со стариком, который бросает гранаты. Что же делать? — спрашивают люди».

Недоумевающим людям — вернее, злобным карателям-расистам можно объяснить, почему четырнадцатилетний юноша и старик берутся за оружие. Сделаю это словами замечательного нашего писателя-фронтовика Бориса Горбатова, писавшего с фронта весной сорок третьего: «Велика сила ненависти! Она мирного, глубоко штатского человека превращает в воина, скромного солдата — в героя, старика пасечника в народного мстителя, девочку-школьницу в Зою Космодемьянскую».

Неотвратимость силы ненависти с запозданием на 1000 дней понял «израильский журналист, пожелавший остаться неназванным ввиду личного характера», автор письма в газету «Наша страна», озаглавленного «Мой сын — освободитель Ливана». Все-таки он «пожелал остаться неназванным» по более реальной причине: не хочет навлечь на себя гнев сионистских властей (он упоминает Шарона, Бегина, всех министров,

«предложивших и утвердивших агрессию в Ливане»). Журналист, чей сын — солдат орудующих в Ливане израильских войск, пишет: «Ливанцы воюют за свою землю... Кто не должен находиться там, кто с самого начала не должен был находиться там — это мой сын. Сын, из которого сделали «освободителя Ливана», коронуящего фалангистов и устанавливающего «новый порядок» — и теперь он там, ненавистный, навлекший на себя отвращение, одинокий и запуганный, живая задача которого оберегать себя». Добавим: оберегать себя любыми средствами, самыми бесчеловечными, жестокими, гитлеровскими.

Как и следовало ожидать, сионистская пропаганда обрушилась на автора «антипатриотичного» письма и сделала строгое внушение газете, допустившей такую промашку.

Некоторые общественные деятели Израиля, осуждающие затеянную сионистскими правителями бойню в Ливане, демонстративно объявили себя призванными в действующие части резервистами. Они направились в Ливан для того, чтобы собрать на месте преступлений новые доказательства зверств израильских оккупантов. Желание пройти действительную воинскую службу в Ливане выразил и бандитствующий раввин Меир Кахане, от которого отмежевались даже самые отъявленные сторонники расправ с палестинцами и ливанцами. Меиру Кахане поездка в Ливан требуется для иных целей: он хочет личным примером «вдохновить» солдат оккупационных частей и убедить израильскую армию любыми средствами тормозить отход из Ливана.

Земля горит под ногами оккупантов.

Народные мстители делают свое священное дело.

Партизаны героически сопротивляются карателям.

Как много говорят сердцу советского человека эти слова! И не только старшего поколения, заставившего своей беззаветной храбростью на фронте и самоотверженным трудом в тылу убраться с нашей земли немецко-фашистских захватчиков. Нет, и молодое поколение знает и чтит подвиги Сидора Ковпака, Константина Заслонова, Лизы Чайкиной, десятков и сотен тысяч партизан — колхозников и рабочих, мужчин и женщин, стариков и подростков. В семью отважных белорусских партизан вошли и столетний дед Талаш, и четырнадцатилетний Герой Советского Союза пионер Марат Казей. Смелые рейды партизанских соединений в тылу врага приводили в трепет самых жестоких эсэсовских головорезов. Да и партизаны, действовавшие небольшими отрядами, а порой и в одиночку, тоже нанесли немало ощутимых потерь полчищам оккупантов. Многие народные мстители, возвращенные Ленинским комсомолом, идя на задание, знали, что им грозит гибель. Но это не остановило ни Зою Космодемьянскую, ни Наташу Кочуевскую, ни Олега Кошевого. Смертью смерть поправ — вот как боролись они с ненавистными захватчиками. Так борются с оккупантами и арабские патриоты. Это закономерно. Освободительная борьба с интервентами всех времен и мастей неизменно рождает мощные партизанские отряды, могучее движение Спроти-

вления. Израильские каратели называют борющихся с ними мужественных патриотов террористами. Захватывая их в плен, не предоставляют им принятого мировой общественностью и международными правовыми нормами статуса военнопленных. Правда, и военнопленных израильские вояки тоже истязают, пытают, расстреливают.

Такой, вероятно, была бы и судьба шестнадцатилетней Саны Мхайдали Раммад, останься она в живых после совершенного ею подвига — подобно такому, каким обесмертили себя в советском небе, пойдя на воздушный таран, отважные летчики Николай Гастелло и Виктор Талалихин.

Начинив легковую малолитражку взрывчаткой, Сана на полном ходу врзалась в головной бронетранспортер моторизованной колонны карателей. По признанию сионистской прессы, взрыв уничтожил вместе с юной героиней 39 израильских солдат и офицеров. Французская же пресса, как и газеты других западных стран, утверждает, что 9 апреля 1985 года близ городка Джеззин, что южнее Бейрута, девушка из деревушки Анкун заставила командование части отправить в Израиль около 50 гробов. Смерть настигла «прочесывателей» в те минуты, когда они направлялись на очередную карательную операцию по «обезвреживанию» партизан. По существу, они собирались учинить очередную кровавую расправу с мирным населением. Заметив в поровнявшемся с колонной автомобиле красивую девушку, сначала потешили себя похабными выкриками, а затем приказали ей указать им кратчайшую дорогу. В ответ Сана совершила свое правое дело.

Почему девушка пошла на верную смерть? Об этом вскоре рассказала с телевизионных экранов сама Сана — перед тем, как пойти на смерть, смелая патриотка во имя свободы своего народа записала на видеопленку обращение к своим близким, к сверстникам, ко всем ливанцам:

«Я иду на смерть во имя спасения моей родины и освобождения ливанского народа от израильской оккупации. Решаюсь на этот шаг, потому что знаю, какую трагедию переживают мои братья и сестры. Я видела унижение ливанцев, находящихся под пятой оккупантов, знаю, что такое террор сионистов, видела, как они убивают детей, стариков, женщин».

Достоянием многих миллионов людей стало и предсмертное письмо Саны родителям:

«Как я оказалась в Сопротивлении? С тех пор, как услышала о смелых операциях бойцов национально-патриотических сил, я стала думать, что надо что-то делать и мне. Не могла заснуть ночью, размышляя об этом... Здесь, на юге Ливана, нет жизни. Здесь только оккупация, тирания, пытки и смерть... Дорогие мои мамочка и папа! Простите меня за то горе, что я вам принесла. Прошу вас, не оплакивайте меня, держите свои головы высоко поднятыми. Не думайте, что я умерла. Знайте — я буду жить и дальше».

Имя Саны продолжает жить в смелых подвигах многих и многих молодых ливанцев, вдохновленных героическим примером Саны Мхайдали Раммад.

Становятся партизанами сотни арабских юношей и девушек. Вот почему именно на молодежь прежде всего обрушивают израильские интервенты свои беспощадные расправы. Но самые бесчеловечные «прочесывания» (термин, кстати, гитлеровский) не могут погасить разгорающегося пламя гнева народного.

Сана Мхайдали Раммад не ошиблась:

«Земля будет гореть под ногами захватчиков. Они не уцелеют в буре народного сопротивления...»

И в Израиль интервенты отправляют все больше и больше гробов. Проклинают сионистских правителей, безутешно плачут матери, вдовы, сироты. Многие похоронные процессии стихийно превращаются в демонстрации протеста против рабинов, шамиров и других сионистских наемников американского империализма. И попытки израильских властей пресечь эти народные демонстрации тщетны. Хотя полиция запрещает хоронить в одно и то же время более двух погибших в Ливане израильтян. Хотя сионистская пропаганда осуждает тех, кто забывает о «высоком» антиарабском назначении сионизма из-за потери отца, мужа, сына. Впрочем, не только сына, но иногда и дочери. Несмотря на то, что девушки в израильской военной форме используются только во «вспомогательных» операциях (скажем, в качестве надсмотрщиц в застенках для арабских патриотов), гибнут и солдаты.

Есть ли среди не вернувшихся из Ливана израильских солдат и солдаток бывшие граждане социалистических стран? Видимо, есть, если израильская цензура строжайше запретила газетам указывать в траурных объявлениях, как это принято в Израиле, место рождения покойника.

И все же иногда даже на газетные страницы просачиваются упоминания о не вернувшихся с войны выходцах из Советского Союза.

Впрочем, Александра Шнайдермана вряд ли назовешь выехавшим из СССР — родители увезли его в Израиль школьником. Законченного среднего образования Александр так и не получил, но «милуимом» (солдатом действующей воинской части) стал. Как заведено в израильской армии, потрясенным горем родителям объяснили, что их сын погиб в тот самый день, когда был уже отдан приказ приказать отпустить его домой. Еще меньшим утешением родителям послужило сообщение, что Александр погиб именно в той карательной операции, которую сам премьер-министр Симон Перес, посетив армейские части, назвал образцово проведенной.

Судьба Александра Шнайдермана — далеко не единичный факт. Ефим Сойфер, за четыре года так и не получивший постоянной работы в Израиле, пишет своим родным: «Зловещий признак — американскими долларами Израиль уже начал оплачивать кровь парней, недавно прибывших в страну». Упоминание о долларах не случайно: сионистские

правители Израиля «великодушно» выплачивают разовое пособие семьям погибших в Ливане солдат не в ежедневно обесценивающихся шекелях, а в долларах.

27 февраля 1985 года, на тысячный, как известили израильские газеты, день ливанской войны, они стали подсчитывать печальные для сионистских правителей итоги: количество убитых и раненых израильтян в Ливане. В нескольких влиятельных газетах депутат кнессета Йоси Сарид решил «в первый раз» объявить, что погибло 622 военнослужащих и тяжело ранено 5369. Депутат скрупулезно подсчитал, сколько раненых получили стопроцентную инвалидность, сколько — восьмидесятипроцентную, сколько — пятидесятипроцентную.

Многие израильские газеты (а главное — жители страны) подвергли большому сомнению эти «уточненные» цифры. Оказывается, Сарид «забыл» учесть погибших и раненых карателей, числившихся не в армейских частях, а в разведке, в управлении концлагерей, в составе военнопленных «внутренним» делам оккупированных территорий в военной полиции. Но вдовы и сироты вынуждены, увы, учитывать эти потери. Они, по словам обозревателя Нахмана Хависа, «обливаются горькими слезами под аккомпанемент костылей, которые все громче стучат на улицах».

Есть свой справедливый счет у ливанских партизан и к американским пособникам оккупантов. Вспомним печальный день в марте 1985 года, когда при непосредственном участии агентов ЦРУ в Бейруте был осуществлен взрыв бомбы большой силы. Кровь восьмидесяти погибших и почти двухсот раненых мирных жителей — таков варварский итог этой бандитской акции, осуществленной Вашингтоном в рамках его преступной политики государственного терроризма. Разбойничий взрыв получил широкую огласку — и под давлением прогрессивной американской общественности комитет по иностранным делам совместно с юридическим комитетом сената США вынуждены были провести слушания по этому вопросу. Что же показали эти слушания? Заместитель министра обороны США Икле вынужден был признать, что в Бейруте дело не обошлось без действующей в Пентагоне «рабочей группы по проблемам терроризма». А какой последовал вывод? К берегам Ливана срочно динули авианосец «Нимиц» для... защиты американских интервентов.

Для Вашингтонских властей Ливан — это своего рода ближневосточная Гренада или Никарагуа, где, с их точки зрения, должны властвовать не народные правительства, а наймиты США.

Но, подобно беззаветно смелой девушке из деревушки Айкун, ливанские патриоты иного мнения на этот счет — Вашингтон ощущает это не менее реально, чем Тель-Авив.

С огромным опозданием сионистские заправилы Израиля стали сознавать, что затеянная ими в Ливане кровавая авантюра приведет их страну к трагическому рубежу. Об этом им непрестанно напоминали не только массовые протесты прогрессивной общественности всех конти-

нентов, не только мировое содружество государств — ООН, но и честные, все более прозревающие круги собственного населения, в том числе и некоторые профессиональные военные.

В стране стали чаще вспоминать о том, как погряз в трясине американской агрессии во Вьетнаме стратегический союзник Израиля. Сказал свое веское слово и катастрофический упадок израильской экономики, спасти которую все трудней становится Соединенным Штатам и международному сионизму.

И пришлось тель-авивским ястребам провозгласить «поэтапный отход» израильской военщины с оккупируемой ею территории Южного Ливана.

«Гуманизм! Акт доброй воли! Стремление к миру!» — возопили сионистская пропаганда и ее сообщники в западной прессе. Лицемеров не смущало хроническое и необоснованное продление сроков и изменение этапов ухода интервентских полчищ с чужой территории.

«Однако уход агрессора с захваченных им земель — это в любом случае не добродетель, а его безусловная обязанность. К тому же на поверку оказывается, что, будучи вынужденным отвести свои войска из некоторых районов Ливана, Тель-Авив и не помышляет освободить всю оккупированную израильскими войсками ливанскую территорию».

Эти слова из Заявления ТАСС, словно обвинительный акт, раскрывающие еще одну злоумышленную затею военных преступников из Тель-Авива и их покровителей из Вашингтона, были опубликованы 8 июня 1985 года. Есть нечто символичное в том, что именно в этот день человечеству было прямо и открыто сказано о новом наглom маневре сионистских главарей, столь же античеловечном, как и сама агрессия в Ливане — ведь накануне, 6 июня, минуло три года с того дня, когда в 1982 году началось вторжение израильских войск в четвертую арабскую страну (за 15 лет до того Израиль совершил нападение на Сирию, Египет, Иорданию).

Заявление ТАСС вскрывает всю фальшь громогласных криков тель-авивских «гуманистов»:

«Израиль ведет дело к фактическому сохранению своего контроля над значительной частью территории Ливана под предлогом создания на ливанском юге «зоны безопасности», где будут находиться на его содержании вооруженные формирования ливанских предателей, а также постоянные израильские «посты наблюдения». Более того, Тель-Авив нагло заявил, что он оставляет за собой «право» совершать вооруженные карательные рейды в глубь Ливана».

Заявление ТАСС напомнило мне опубликованные в израильской сионистской прессе немногословные, но достаточно циничные признания израильского генерала Ори Ора, командующего войсками Северного округа, участвующими в оккупации ливанской земли. Имея в виду активизацию патриотических ливанских партизанских сил, корреспондент спросил его: «Как генерал, как член генштаба, как воин, вы не

обеспокоены тем, что многие солдаты действительной службы видели Цахал только оборонительной армией, а не наступательной?» «Обеспокоен, — признается генерал. — Но это положение можно изменить».

И следует ряд, мягко говоря, пожеланий. Тут и помощь оружием ливанским предательским группам, и «более атакующая тактика Цахала», и качественное обновление систем раннего предупреждения и обеспечения текущей «безопасности».

«Прибегая к обманной тактике «уходя — остаться», говорится в Заявлении ТАСС, — Израиль вновь предстает перед всем миром как агрессор, грубо попирающий нормы международного права и игнорирующий решения ООН, которые обязывают его уважать суверенитет и территориальную целостность Ливана, убрав свои войска из этой страны — полностью и без всяких условий».

Из публикаций израильских военных обозревателей нетрудно убедиться и в следующем: даже в тех пунктах, где Израиль выводит свои войска за линию границы, он предусмотрительно планирует с «постов наблюдения» новые нападения на ливанскую землю. «Что будет на границе на следующий день после вывода Цахала из Ливана? — спрашивает Эйтан Хабер и успокоительно отвечает: — Тактика Цахала будет гораздо более атакующей и воинственной, когда его силы расположатся по эту сторону границы». Коротко и нагло.

Позиция нашей страны в этом вопросе, как и всегда, справедлива, принципиальна, бескомпромиссна. Об этом говорят заключительные строки Заявления ТАСС:

«Решительно осуждая действия Израиля, Советский Союз твердо поддерживает требования ливанского народа, его правительства о незамедлительном, полном и безусловном выводе войск Израиля со всей ливанской территории. Агрессии Израиля против Ливана, его вмешательству в ливанские внутренние дела должен быть положен конец».

Прогрессивное человечество никогда не примирится с осуществлением обманной тактики Израиля «уходя — остаться». И с этим придется считаться правительству «национального единства» Переса, не очень-то стремящемуся вывести из Ливана интервентские войска, посланные туда кликой Бегина — Шарона. Посетив в чине министра обороны ливанскую землю, Ариэль Шарон спросил мальчика: «Сколько тебе лет?» — «Через месяц будет шесть». — «Это ты думаешь, что тебе будет шесть».

Не стал бы воспроизводить этот циничный черный юмор в людоедском стиле (хотя ему систематически отводит место израильская печать), если бы не такое обстоятельство: часть израильтян, зараженная ядовитой расистской отравой, восторженно воспринимает подобные гнусные острооты. Подтекст восприятия такой: «Ай да Арик, вот так ястребок! Он еще покажет проклятым арабам!»

Поганые острооты — это еще полбеды. Но ведь люди, восторгающиеся такими остроотами, злобно встретили решение ООН объявить 4 июня, день варварской бомбардировки Бейрута в 1982 году, принес-

ших смерть многим детям, Международным днем детей — жертв агрессии.

Те же самые шовинисты убежденно называют «кровавой ценой отступления из Ливана» не кровь убитых и раненых десятков тысяч мирных ливанцев и палестинцев от младенческого до старческого возраста (расистов это мало трогает!), а только лишь потери израильских захватчиков в живой силе.

Наконец, любителей острот с расистским душком привело в гнев решение нью-йоркского суда отвергнуть иск Шарона к журналу «Тайм» за клевету. Ее Шарон усмотрел в том, что «Тайм» назвал его не косвенным, а прямым виновником кошмарной резни в Сабре и Шатиле. Эту «клевету» Шарон оценил почти в два миллиона долларов. Суду, однако, пришлось не только отказать «истцу» с обгавленными кровью руками, но и возложить на него уплату судебных издержек. Правда, нью-йоркские сионистские богатеи, у которых не выпросишь и доллара в пользу еврейской бедноты, внесли за Шарона более двадцати тысяч долларов судебных издержек. Этим поступком они красноречиво продемонстрировали свою солидарность с кровавыми расистскими деяниями сионистов Израиля, с оккупацией истерзанной ливанской земли, с надругательством над ливанскими детьми. Чтобы хоть как-нибудь оправдать изуверское глумление израильской солдатни над ливанскими детьми (возможно ли, впрочем, тут какое-либо оправдание!), сионистская пропаганда усиленно муссирует такую бредовую версию: ливанские дети — маленькие дикари. В корреспонденциях израильских журналистов из Ливана я встречал такие, с позволения сказать, наблюдения:

«Любимая игра ливанских детей — сжигать зеленые деревья».

«Смотрите на ливанского мальчишку и видите в его глазах дикарскую тупость».

«Что можно сказать о диких детях, для которых главная цель — перебить всех птиц на деревьях? Какое человеческое сердце может это выдержать!»

И вот «защитник птиц с любвеобильным сердцем» хватает тринадцатилетнего мальчика из деревушки в долине Бекаа и бросает его в застенки. Мальчику «повезло»: его там держали всего десять дней. Но вышел он оттуда с проседью на смолянистых волосах. К этому маленькому узнику (если его не убили при последующих прочесываниях и бомбежках) вполне приложимы строки Константина Симонова: «За десять лет на том и этом свете ему зачтутся эти десять дней».

В сожженных деревьях и разрушенных городских кварталах журналистам и представителям Красного Креста и Красного Полумесяца обычно показывают фотографии убитых. И сразу бросается в глаза молодость, даже отрочество жертв оккупантов. Сомнений быть не может: творя геноцид, истребляя арабов по Вашингтонским лицензиям (эта горькая «шутка» с большой долей правды, увы, бытует на Ближнем Востоке), оккупанты прежде всего целятся в молодых, в юных. Не это ли

имел в виду министр обороны Ицхак Рабин, любимец Вашингтона, так похваливший карателей после одной — особенно зверской по отношению к молодежи — операции: «Вы славно поработали, ребята!»

Преступления сионистов на арабских землях не могут остаться безнаказанными — эту мысль не раз высказывали на Московском фестивале молодежи и студентов делегаты со всех континентов.

— Моему народу выражали в Москве сочувствие девушки и юноши из Венгрии, Венесуэлы, Болгарии, ФРГ, Мексики — всех не перечислишь. — Услышал я это от палестинской девушки, которую, дабы ограждать от мести израильских карателей, назову Рамалой. — И мне вспомнился, — говорила девушка, — рассказ нашей студентки Фатимы Бернави, как на предыдущем фестивале в Гаване она выступала свидетельницей на заседании международного трибунала «Молодежь обвиняет империализм». Фатима была одной из первых арабских девушек, арестованных израильскими оккупантами на наших родных землях. Десять лет, вы слышите — целых десять лет ее держали в израильской тюрьме! Многие, кто присутствовал на заседании трибунала, рыдали, когда Фатима рассказывала, каким мучительным пыткам подвергали каратели молодых палестинок. Подругу Фатимы садисты изнасиловали на глазах ее отца. Когда Фатима назвала израильские застенки фашистскими, ее держали все, все до одного. Честно говоря, стойкость Фатимы заставила меня тоже стать в ряды нашего патриотического Сопротивления и не склонить головы перед карателями.

— Здесь, на Московском фестивале, — продолжала Рамала, — о зверствах сионистских оккупантов говорили не только на Антиимпериалистическом трибунале, но и на встречах в центре антиимпериалистической солидарности в университете Дружбы народов имени Лумумбы. Нам, палестинцам, больно было слышать, как жестоко расправляется с чилийской прогрессивной молодежью диктаторский режим Пиночета, как страдают в ЮАР девушки и парни с черным цветом кожи. Зато нас обрадовали выступления делегатов из Сальвадора, Никарагуа, Анголы, Камбоджи. Тысячи их сверстников мужественно борются с диверсантами и провокаторами, мешающими их мирной жизни. Хотя террористов в этих странах поддерживает Америка, мы знаем: победа будет за честными патриотами.

— Победа будет и за вами, палестинскими патриотами, — добавила девушка из Ирака, присутствовавшая при моей беседе с Рамалой. — И вашим угнетателям, вот увидишь, придется понести наказание!

Своими простыми, искренними словами иракская девушка высказала заветную мечту многих и многих миллионов людей.

СОДЕРЖАНИЕ

Крах	3
Правда о сионистском терроре	26

Цезарь СОЛОДАРЬ

КРАХ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор

Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 31.10.86. Подписано к печати 20.01.87. А 00311. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,29. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80000 экз. Изд. № 390. Заказ № 3978. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● **РЕМОНТ МИКРОКАЛЬКУЛЯТОРОВ**

«Микро» — значит маленький. Бережно и умело, как с маленькими детьми, обращаются квалифицированные мастера с микрокалькуляторами на ремонтных предприятиях бытового обслуживания. С помощью специальных контрольно-измерительных приборов, эффективных средств диагностики они осуществляют ремонт и техническое обслуживание микрокалькуляторов.

Росбытреклама